

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

СМЕРТЬ ЗА НАШ СЧЕТ

Николай Иванович Леонов
Алексей Викторович Макеев
Смерть за наш счет (сборник)
Серия «Полковник Гуров»
Серия «Черная кошка»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18560161

Смерть за наш счет / Николай Леонов, Алексей Макеев: Э; Москва;

2016

ISBN 978-5-699-88763-7

Аннотация

В московской гостинице отравлен журналист Олег Никонов. Следы преступления ведут в Москвореченск, мэр которого, по мнению тамошней прессы, окончательно погряз в коррупции. Первая версия, которую выдвигает следствие, – устранение неудобного журналиста по указанию «сверху». Но опытным сыщикам Льву Гурову и Станиславу Крячко эта версия кажется неубедительной. Оперативники решают поближе познакомиться с окружением Никонова и оказываются лицом к лицу с хорошо законспирированным криминальным бизнесом, победить который по силам только суперпрофессионалам или... очень способным артистам.

Содержание

Смерть за наш счет	5
Пролог	5
Глава 1	25
Глава 2	52
Глава 3	98
Глава 4	118
Конец ознакомительного фрагмента.	142

**Николай Леонов,
Алексей Макеев
Смерть за наш
счет (сборник)**

© Леонова О. М., 2016

© Макеев А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

*** * ***

Смерть за наш счет

Пролог

Все было без толку. Зуб болел, как три тысячи чертей. Уже третий день сводя с ума. Станислав Крячко, несчастная жертва этой боли, сидел на кухне, подперев щеку рукой, и с тоской глядел на стоящий перед ним стакан с раствором соды, который ему заботливо приготовила жена. Забота была напрасной, Крячко это понимал. Он перепробовал уже все на свете и чувствовал, что сода поможет ему как припарка мертвецу.

Зуб начал заявлять о себе еще в ночь на понедельник, когда Станислав собирался как следует отоспаться перед рабочей неделей после удачно проведенных выходных – тесть предложил съездить на зимнюю рыбалку. Время оказалось подходящим: как раз с пятницы на субботу ударили морозы. Станислав с удовольствием согласился, и все воскресенье – дождавшись, когда лед схватился покрепче – они с тестем провели возле лунок. И хотя улов оказался весьма скромным – всего-то с десятков мелких окуньков, которых жена, отказавшись готовить, высыпала в миску коту, – оба рыбака остались довольны.

Понедельник для Крячко начался кошмаром. Мало того

что сыщик не мог уснуть всю ночь из-за острой зубной боли, она не прекратилась и под утро. Жена и дочь хором советовали Стасу отправиться в стоматологическую поликлинику, однако он только отмахивался. Аргументов не приводил никаких, но на всяческие убеждения, уговоры и даже умеренные угрозы домочадцев реагировал отказом, надеясь, что «пройдет само».

Ночью боль была особенно невыносимой, и Stanisław своим нытьем и жалобами на жизнь выносил мозг не только жене, но и сыну с дочерью, так что те обрадовались и вздохнули с облегчением, когда под утро глава семейства заявил, что отправляется на службу. В душе Крячко надеялся, что за рабочими делами он забудется и боль утихнет сама собой. В МВД он появился в половине седьмого утра и сразу направился в кабинет, сообщив дежурному, что его ждут неотложные дела.

Спустя полчаса Stanisław сидел на своем рабочем месте с крайне грустным выражением лица. Еще бы – он не мог работать в таких условиях, все его внимание было сконцентрировано на боли. Злосчастный зуб решительно не собирался проходить ни при каких условиях. Хотя условия Stanisław обеспечил ему самые благоприятные: заварил крепкого чая, предусмотрительно без сахара, добавил в него щепотку мяты, мешочек с которой перед выходом ему сунула жена, сказав, что эта трава успокаивает. Однако ни чай, ни мята не оказывали на зуб ожидаемого благотворного влияния.

Никаких обезболивающих таблеток у Станислава не было, поэтому он сидел и тихо стонал в ожидании своего друга и коллеги полковника Льва Гурова. Но тот, всегда пунктуальный, на этот раз словно нарочно задерживался.

Спустя несколько часов Крячко уже не мог терпеть ужасную боль, поэтому полез в ящик стола своего напарника. К его огромной радости, в закромах Льва нашлась пачка дорогого импортного обезболивающего, которое привезла ему недавно из зарубежных гастролей жена-актриса – «на всякий случай». Решив, что тот самый случай как раз наступил, Крячко достал сразу две таблетки и жадно проглотил их, запив водой из графина. После чего сел в кресло и стал ждать, когда хваленое средство начнет действовать.

На его счастье, спустя всего десять минут боль и вправду немного утихла. Пусть не совсем, но измученный Крячко был рад и этому. Довольный, он даже открыл одно из дел и начал перелистывать документы, прихлебывая чай все того же Льва, разумно оставив свою собственную заварку про запас. Но счастье Станислава оказалось недолгим: очень скоро обезболивающее прекратило свое действие и к сыщику вернулась знакомая и все такая же невыносимая боль. Крячко принял суровое и, по его мнению, единственно верное решение выпить еще пару таблеток.

...Через полтора часа в кабинете наконец-то появился Гуров. Увидев унылую физиономию своего напарника, он с улыбкой спросил:

– Что, Стас, заработался?

– Заработаешься тут, – сквозь сомкнутые зубы процедил Крячко. – Зуб болит, сволочь, хоть на стену лезь. Болит и качается... И, Лёва, я у тебя, это...

– Что – это?

– Позаимствовал немного обезболивающего.

Лев недовольно окинул взглядом Крячко и направился к своему столу. Он слишком хорошо знал друга и поэтому сразу, по виноватой интонации Стаса, заподозрил неладное. Выдвинул ящик. Из недавно целой упаковки дорогого обезболивающего на него жалобно смотрела всего одна таблетка.

– И это ты называешь позаимствовал немного? – возмутился Лев.

– А что мне было делать? – пошел в наступление Крячко. – Терпеть боль? Помирать, да? Прямо на рабочем месте! Неужели тебе для друга жалко каких-то таблеток? Ну, дожили!

Крячко разорвался минуты четыре, подобно капризной дамочке, пока острая пульсирующая боль не заставила его замолчать. Тут вступил Гуров:

– Стасик, они вызывают сильное привыкание и от зубной боли не помогают! И вообще, они аллергенные.

– А я не аллергик! Зато зуб переставал болеть!

Гуров посмотрел на своего друга с сочувствием и убедительно проговорил:

– Стас, сходи лучше в больницу и удали этот зуб – де-

лов-то! Тем более что он у тебя все равно качается, сам говоришь.

– Ни о каких больницах и речи быть не может! – категорично заявил Крячко с видом полководца, решившего во что бы то ни стало отстоять осажденный город.

– Тогда иди в аптеку, – пожал плечами Гуров. – Покупай обезболивающее.

– В наших аптеках только разоряться, – недовольно пробурчал Крячко. – Эти производители лекарств совсем оборзели! Можно подумать, что они их из золота делают!

– Ну тогда терпи и не ной, – подвел итог Гуров и уселся за стол, вытянув свои длинные ноги.

Крячко недовольно посмотрел на напарника, посопел и хотел было уткнуться для отвода глаз в бумаги, но тут зуб дернуло с такой силой, что Станислав замычал, вскочил со стула и, сдернув с вешалки раздутую от долгой носки куртку, пулей вылетел из кабинета. Выйдя из здания, он двинулся в ближайшую аптеку, благо идти было недалеко.

В аптеке ему сказали, что новокаин, который он выбрал как один из самых недорогих препаратов, от зубной боли не спасает, если только его не уколоть непосредственно в десну, а от этого Крячко отказался сразу. Пришлось, скрипя зубами, разориться на упаковку дорогого обезболивающего.

После полудня Крячко понял, что и это лекарство ему не помогает, а значит, деньги потрачены зря. Настроение сы-

щика упало ниже плинтуса. Просто сидеть и терпеть Станислав больше не мог, поэтому решил пройтись по отделу и разузнать у коллег, как спастись в таких критических ситуациях.

Зайдя в соседний кабинет, он увидел майора Феофанова, пожилого уже оперативника, сидевшего за столом и судорожно перебиравшего гору дел.

– Коля, день добрый. – Крячко приветствовал майора с такой миной, что даже слепой увидел бы, что добрым этот день для Стаса точно не был.

Майор Феофанов был зрячим, но под лавиной свалившейся на него писанины не заметил несчастного вида Крячко.

– Станислав! Добрый-добрый! – рассеянно отозвался майор, на секунду оторвался от своих бумаг и пожал Крячко руку. – Поздороваться зашел или по делу? Что-то на тебе лица нет? Что стряслось? – Феофанов наконец обратил внимание на болезненную гримасу на лице полковника.

– Да и поздороваться, и по делу. Слушай, у меня такая деликатная проблема. У меня дико болит зуб – никакого спасения!

– Ну и в чем проблема? Сходи к врачу, там залечат.

– Вот вы все одно и то же талдычите! Да не доверяю я нашим врачам! Ты же знаешь, забесплатно они только испортить могут, а не вылечить!

– Ну и что ты тогда хочешь? – удивился Феофанов.

– Ну, может, ты знаешь способы, как немного успокоить

боль? – задумчиво посмотрел в потолок Крячко.

Феофанов сделал загадочное лицо и произнес:

– Знаешь, мне кажется, я могу тебе помочь. Есть одно проверенное средство...

– Ну?! – воскликнул Крячко. – Какое?!

– Когда у меня болел зуб, я его коньяком полоскал. У тебя есть спирт?

– Нет у меня спирта, я на работе не пью.

– И зря! Ну, в смысле, зря спирта нет. Одно из лучших лекарств, меня бабка с детства им лечила.

– Оно и видно, – хмыкнул Крячко, поднимаясь. Совет Феофанова показался ему стоящим. И как он сам не догадался про спирт? Вернейшее же средство от всех болезней!

«Это все зуб, собака! – с досадой на потраченное впустую время подумал Крячко. – Совсем мозги мне вышиб!»

– Ты не смейся, – покачал головой Феофанов. – Спирт на нерв попадает, оглушает его, и тот затыкается на время, пьяный и довольный. А если делать так регулярно, он окончательно помрет.

– Да понял я, понял! – махнул рукой Крячко, направляясь к двери.

– Эй, ты куда? – окликнул его Феофанов.

– К экспертам пойду, спиртом разживусь, – отозвался Крячко. – И как я раньше не догадался?

– погоди с экспертами, – остановил его Феофанов, открывая ящик стола. – Спирта у меня, к сожалению, нет, однако

есть вот что. – Майор порылся в столе, побряхтел и достал бутылку с мутноватой жидкостью. – Вот!

– Что это? Самогон? Ты шутишь? – присвистнул Крячко, возвращаясь к столу.

– Это не просто самогон! Это самогон, который делает моя бабушка! А моя бабушка фигню не сделает! – радостно изрек Феофанов и со стуком поставил бутылку на стол. – Угощайся! Самогон – чистый как слеза, зуб даю! Моя бабушка его всю жизнь гонит – на пшенице, клюкве, даже на черносливе! Натурпродукт! Тут погрешности быть не может! Не пожалеешь!

– Что ж я, пьяный буду ходить с утра пораньше? – ломался Крячко.

– Ну не хочешь пьяным – ходи больным, – обиделся Феофанов, собираясь убрать бутылку обратно, но Крячко ловко перехватил ее.

– Я тебе, между прочим, говорил не пить, а полоскать, – напомнил Феофанов.

– Ладно, ладно! Но, Коля, смотри у меня! – притворно погрозил ему пальцем Крячко. – Если начальство меня уволит за пьянку на рабочем месте – будешь мне платить из своего оклада, да-да!

– Ну да! – ухмыльнулся Феофанов. – Вас с Гуровым уволишь! Вы сами себе начальство!

– Не завидуй, – сказал Крячко, проворно пряча поллитровку за пазуху. – В общем, спасибо, Коля, но если что...

– Удачи, Стас! – перебил его Феофанов и вернулся к своим делам.

Войдя в свой кабинет и поставив бутылку на стол, Крячко поймал на себе удивленный взгляд Гурова.

– Что, решил с горя о потраченных деньгах напиться и забиться? – Лев едва сдерживал улыбку.

– Не напиться, Лёва, а лечиться! Чувствуешь разницу? Этим зуб полоскать надо, деревня! – недовольно ответил Крячко и достал рюмку. – Понял? По-ло-скать! – по слогам повторил он, дунул в рюмку, наполнил ее до краев и с удовольствием поглядел на просвет. – Есть мудрая пословица: «Не пьянки ради, а здоровья для!» Ее же не зря придумали, верно?

Станислав опрокинул в рот первую рюмку, тут же, под дикий смех Гурова, налил вторую, быстренько пополоскал зуб и тоже проглотил. Самогон и вправду пился очень легко, и, к огромной радости Станислава, спустя пять минут зубная боль действительно прошла. На лице Крячко появился здоровый румянец, настроение подпрыгнуло до небес.

– Видишь, Лёва, помогает! Всё, приступаю к работе!

Однако через полчаса процедуру пришлось повторять, ибо действие алкоголя очень быстро сошло на нет. Гуров со смехом наблюдал за этой картиной, однако Крячко было уже все равно – боль стихала, и в эти моменты он был просто счастлив. Дело шло на ура: Станислав наполнял рюмки «по наперстку», как сам выражался, опрокидывал и блажен-

но кричал.

Время до обеда прошло для него незаметно. Он, правда, не работал, а наслаждался жизнью, с определенной периодичностью принимая очередную дозу «лекарства».

– Стас, идешь на обед? Есть хочу – умираю! – прервал его «процедуры» Гуров.

– Да, пойдем, Лёва, – отозвался Крячко.

Поднимаясь со стула, Станислав заподозрил неладное. Ноги и руки его практически перестали слушаться, голова предательски кружилась, а тело просилось обратно на стул.

Лев дико заржал, подхватил под руки товарища и сказал:

– Все, теперь ты точно вылечился. Давай-ка я тебя домой отвезу.

Крячко был пьян вусмерть. Самогон оказалась не только лечебным, но еще и крепким. Девяносто градусов, принимаемые хоть и «по наперстку», зато с завидной регулярностью, предательски сломили стойкий организм Крячко. Он был вынужден отправиться домой на гуровской машине прямо в объятия жены. Та не очень радостно отреагировала на возвращение своего супруга в таком состоянии, однако ругать и отчитывать не стала, а просто уложила в кровать, где он благополучно подрых до следующего утра.

Во вторник утром проблем только прибавилось. Мало того что зуб болел по-прежнему, так теперь сыщика еще и похмелье посетило – голова трещала и кружилась, во всем теле ощущалась противная слабость. То ли «натурпродукт»

оказался не совсем «натур», то ли Станислав употребил его слишком много, да еще без закуски и не позавтракав с утра. Принятое на голодный желудок спиртное на другое утро напомнило о себе очень настойчиво: Станислава мутило и трясло. Да еще этот зуб!

В таком состоянии отправляться на работу сыщик не рискнул, начал донимать жену, чтобы она дала ему любого алкоголя, хотя бы в малой дозе. Сам Крячко спуститься в магазин был не в состоянии.

Наталья идти за водкой отказывалась, но Крячко не отставал. Когда жене надоело шутить про стремительно развивающийся алкоголизм мужа, она отыскала бутылку ликера и презентовала его Стасу со словами:

– На, пей! Ничего другого у меня нет! К празднику берегла.

Станислав выпил две рюмки праздничного напитка, но от зубной боли не избавился, наоборот, сахар, содержащийся в ликере, проник в канал – боль стала просто нестерпимой. Что делать дальше, он не знал, к врачу идти не хотел, решил отправиться на работу, чтобы одолжить у Феофанова еще немного «лекарства». Теперь надо было избавляться уже от двух болей: зубной и головной.

Однако по приезде в Главное управление прямо у дверей его встретил Гуров. Спросил, как дела, повел друга в кабинет. Крячко по дороге стонал и жаловался на зуб и похмелье. Он уже собирался завернуть к кабинету Феофанова, когда

Гуров остановился и властно произнес:

– Так, Стас! Стоп! Хватит! Ежедневно напиваться на рабочем месте я тебе не дам. Во-первых, мне не улыбается работать за двоих, во-вторых, еще меньше мне улыбается ежедневно транспортировать твое бездыханное тело домой. Я тебе не бесплатное такси.

– Лева, я только одну рюмку! – простонал Крячко. – Только боль унять! Болит, зараза, голова сейчас треснет!

Однако Гуров не внял мольбам Крячко, заварил ему крепкого кофе, пожертвовал последнюю таблетку обезболивающего и усадил за стол. Сам же отправился к генерал-лейтенанту Орлову, строго-настрого запретив Стасу употреблять алкоголь на работе.

– Лично проконтролирую! – обернулся Лев на пороге.

Крячко утвердительно закивал, однако, едва за Гуровым закрылась дверь, он досчитал до десяти, выскочил из кабинета и короткими перебежками побегал к кабинету Феофанова, все время оглядываясь назад: не выглядывает ли из-за угла коварный Гуров?

Феофанов не то чтобы сильно обрадовался визиту Крячко, но еще одну бутылку ему презентовал. Сунув «лекарство» за пазуху, Стас направился обратно в свой кабинет, весело насвистывая. От предвкушения «натуртерапии» у него заметно улучшилось настроение.

Но вот незадача – вездесущий Гуров уже поджидал Крячко в кабинете. Лев извлек из-за пазухи «больного» друга

бутылку самогона и вернул ее майору, строго-настрого запретив приходить на работу с подобными «гостинцами». А для пущей убедительности пригрозил начальством.

Станиславу ничего не оставалось делать, как снова направиться в аптеку...

Весь день он промаялся, глотая одну за одной таблетки, и к обеду вообще перестал что-либо соображать. Толку от него на работе не было никакого, и Гуров, плюнув, отпустил Крячко домой, заявив, чтобы тот возвращался на службу только после визита к стоматологу.

К стоматологу Крячко, конечно, не пошел. Вместо этого он завернул к тестю, предварительно купив в магазине бутылку водки. Тесть возражать не стал, и они в отсутствие тещи благополучно «уговорили» пол-литра. Хотели продолжить, но очень некстати вернулась теща. От дочери она уже была наслышана о проблеме зятя и предложила позвонить своей хорошей знакомой, стоматологу на пенсии, которая иногда принимала пациентов на дому и лечила их «совсем-совсем не больно!».

Станислав, перепугавшись не на шутку – теща была человеком решительным, – поспешно заявил, что зуб у него уже совсем прошел. Тогда теща разогнала веселую компанию, отправив зятя домой.

Трусливое вранье Стаса в итоге обернулось против него самого: к стоматологу «по знакомству» он не попал, клиники уже были закрыты, оставалось разве что отправиться в круг-

лосуточную, но там с Крячко содрали бы три шкуры в денежном эквиваленте.

Сейчас он сидел на кухне с перевязанным лицом и понуро смотрел в окно. На дворе было уже час ночи, а Стас даже не сомкнул глаз. Открыв холодильник в поисках алкоголя, он нашел только ромашковую настойку и пресловутый ликёр, от одного вида которого ему стало еще хуже. Попробовал залить в зуб несколько капель настойки, но тут же, матерясь, выплюнул. Нет, так больше продолжаться не может. Станислав направился к компьютеру в надежде найти в Интернете действенные способы лечения зубной боли на дому.

Пролистав несколько страниц и проанализировав информацию с различных медицинских форумов, Крячко выбрал, на его взгляд, самое подходящее средство. Нужно было приложить к щеке около больного зуба дольку чеснока, хорошенько натереть кожу и замотать полотенцем. Этот способ показался Крячко простым и самым верным, благо чеснока в доме имелось предостаточно.

Совершив процедуру, Станислав прилег на диван и стал ждать, когда начнет действовать чеснок. Но прошел час, а боль не утихала. Зато на щеке появилось подозрительное красное пятно, от прикосновения к которому сильно жгло кожу. Было похоже на ожог. Крайне недовольный результатом лечения, Станислав понял, что придется идти в ближайшую круглосуточную аптеку. Самому идти было лень. В голове мелькнула мысль – разбудить сына.

Домашние давно уже спали, и если бы Стас разбудил жену, то тут же получил бы в свой адрес «пару ласковых». Однако и сына будить было жалко: тот в последнее время очень плотно налег на учебу и спать ложился рано, около одиннадцати часов. Жена очень радовалась и всячески поощряла действия сына. Если бы отец поднял его посреди ночи и послал в аптеку, мать была бы этим крайне недовольна.

Выбора не было – пришлось собираться самому. Пропитав вату ромашковой настойкой и приложив ее к больному зубу, Станислав, кряхтя, оделся и вышел из дома. На улице было холодно и скользко. Крячко передвигался мелкими шажками, опасаясь поскользнуться и растянуться на тротуаре.

«Днем было плюс два! – с негодованием думал Крячко. – Почему же сейчас так холодно?»

Этой ночью снежные улицы не радовали сыщика. Возможно, он просто не любил зиму. Хотя истинной причиной такого отношения к погоде была, конечно же, зубная боль. Ничто не радует, когда болит уже не только зуб – вся ротовая полость горит огнем! Да что полость, еще немного – и серыми брызгами взорвется мозг!

Станислав шел, держась рукой за больную щеку, ожог на которой он намазал увлажняющим кремом. От этого щека мерзла и болела еще сильнее. Крячко терпел и только тихо постанывал. Он знал, что скоро будет аптека, где он купит обезболивающее, которое прекратит на время его мучения.

Он успеет дойти до дома, ляжет и уснет. А завтра? Опять то же самое?

Но он не думал об этом. Вообще сложно о чем-либо думать, когда у тебя болит зуб. Поэтому в данную минуту он жил мечтой, что сможет унять эту боль хотя бы на короткий промежуток времени. Однако Станислав все же осознавал, что долго так продолжаться не может. Зуб уже начинал пошатываться, но выпадать пока не собирался. Скорее всего, к стоматологу идти все-таки придется...

Но пока можно было хоть как-то терпеть, сыщик категорически отказывался от этой затеи, не беря во внимание никаких аргументов даже для самого себя. Станислав сильно боялся зубоврачебного кресла еще с детства, с той поры, когда в их школе работала препротивнейшая врачиха, лет которой было, по тогдашним прикидкам Стаса, около ста, и которая, по его же убеждению, обладала садистскими наклонностями. Вообще все стоматологи, в представлении Стаса, имели садистские наклонности.

В аптеке была очередь – целых три человека! Такой расклад Крячко не устраивал. Зубная боль вконец измучила его, и не было таких сил, которые удержали бы Стаса в его стремлении пробраться к окошку без очереди. Он тронул за плечо ближайшего покупателя:

– Разрешите?

К нему обернулся крепкий мужчина лет сорока пяти и понимающе спросил:

– Что, зуб?

– Угу, – ответил Крячко, явно без всякого желания разговаривать.

– Какой?

– Нижняя четверка, – сквозь сомкнутые губы процедил Станислав. Любопытство мужчины начинало его бесить.

– И что, шатается?

– М-м-м, – только и смог промычать Крячко, пробираясь к окну.

Стас и предположить не мог, что дело примет неожиданный оборот. Мужчина крепко взял его за плечи, резко развернул лицом к себе, посмотрел в глаза, примериваясь, и сильно двинул кулаком в челюсть... Неожиданный удар свалил сыщика с ног.

Крячко потерял дар речи, а заодно и все остальные чувства. Спустя несколько секунд он почувствовал, что чувства постепенно к нему возвращаются. Тогда он попытался осмотреться. В глазах плыли фиолетовые круги, которые затмевали реальную картинку. Немного болела челюсть. Однако зубная боль... постепенно утихала. Спустя пару секунд зрение окончательно вернулось к нему. Станислав испытывал двоякое чувство. С одной стороны, он горел от злости и хотел отомстить обидчику, с другой – очень радовался, что зубная боль практически прошла.

Посмотрев в лицо «исцелителю», Стас не увидел в нем ни тени злобы. Мужчина улыбнулся и помог Крячко под-

няться.

– Все? Не болит?

– Не болит, – осторожно потрогав щеку, с удивлением констатировал Крячко. – Действительно не болит! – повторил он радостно. – Слушай, как ты его вылечил?

Мужчина усмехнулся.

– Сплюнь, – посоветовал он. – Платок есть?

Крячко вначале не понял, но послушался. Он достал из кармана смятый носовой платок и сплюнул в него. Вместе с кровавистой слюной изо рта выпал больной зуб!

– Ты что, его вышиб? – изумился Стас, не зная, радоваться или огорчаться.

– Ну конечно, ты же сказал, что он шатается. Чего терпеть-то? В больнице за эту процедуру деньги сдерут, да еще потом от анестезии отходить. Ну, и ждать-бояться, пока выдернут. А тут секунда – и готово! Без шума и пыли, как говорится.

Крячко все еще не мог поверить в случившееся. Но факт оставался фактом: на его ладони лежал зуб, который еще недавно изводил своей болью. Теперь это был не его зуб, а посторонний мертвый предмет.

– А если не тот выбил? – не успокаивался Крячко.

– Тот, тот, – успокоил его собеседник. – Не дрейфь. Я в таких делах толк знаю. И не промахиваюсь.

– Так, мужчина, вы лекарства покупать будете? – строго обратилась к ним фармацевт за стеклянной витриной.

– Да, – новый знакомый Крячко шагнул к окошку.

Аптекарша отпустила ему нужные препараты и обратилась к Стасу:

– А вы?

– А я... А мне, наверное, уже ничего не надо! – радостно сообщил тот.

– Фурацилин купи, – посоветовал ему «лекарь». – Прополощешь дома для дезинфекции.

Крячко выяснил, сколько стоит фурацилин, порадовался, что недорого, выгреб из карманов и выложил перед аптекаршей мелочь. Сунув флакон в карман, он повернулся к выходу.

– Тебе куда? – поинтересовался собеседник.

– Туда, – махнул Крячко вперед. – Несколько кварталов пилить...

– Ну пойдем, провожу немного. Нам все равно по пути.

Вместе они двинулись вдоль улицы. Мужчина представился Анатолием.

– Рядом живешь? – полюбопытствовал Крячко.

– Нет, работаю. Во-он там, в охране. – Анатолий показал рукой на ночной клуб. – А ты?

– Да я... – неопределенно отозвался Крячко. – Аптека ближайшая, круглосуточная. Слушай, а как у тебя так ловко получилось? Нет, зубы выбить, если что, я тоже могу. Но чтобы вот так точно?

– Опыт, – улыбнулся Анатолий. – Я на «Скорой» санита-

ром шесть лет отпахал, а это кое-чему учит!

– Да ну? А что сейчас не по специальности работаешь?

– А у тебя много друзей по специальности работает?

Крячко промолчал. Его лучшими друзьями были полковник Гуров и генерал-лейтенант Орлов из Главного управления МВД, и они-то как раз работали по специальности. Но Крячко не стал об этом распространяться.

Так, за разговором, они дошли до перекрестка. Анатолий протянул Крячко руку:

– Ну, бывай! Только, если зуб заболит, ты к врачу иди.

В следующий раз может не повезти – меня не встретишь.

– Заметано, – улыбнулся Крячко. – Спасибо!

Анатолий махнул рукой и повернул к клубу. Крячко двинулся к своему дому. Он уже не замечал ни холодного ветра, ни гололедицы под ногами. Душа его пела и смеялась.

Дома Станислав допил прямо из бутылки стоявший в холодильнике ликер, который уже ничем не мог ему повредить, и завалился спать, хмельной и совершенно счастливый...

Глава 1

Полковник Лев Гуров выехал на работу утром, которое, впрочем, еще только наступало – над городом стояли пред-рассветные сумерки. Неудивительно, на дворе была первая половина декабря. Вообще погода предполагала два варианта: остаться дома, включить торшер и засесть за интересную книгу, не обращая внимания на морось и хмарь за окном, либо, приехав в главк, погрузиться в кабинетную работу, опять же при уютном свете.

На Москву сыпал мерзкий полуснег-полудождь. Полковник хмуро смотрел на дорогу сквозь мерные рывки дворников на лобовом стекле автомобиля.

В самом начале рабочего дня ничто не предвещало того, что Гурову сегодня придется выезжать из главка. Совершенно обычным выглядел и звонок генерала Орлова – он, по своему обыкновению, в это время проводил что-то вроде планерки. Гуров только после этого звонка обнаружил, что рядом нет его постоянного напарника Станислава Крячко. Но тут же вспомнил, что Стас еще вечером прислал СМС, где жаловался на свой взбунтовавшийся зуб.

Немного помедлив, Гуров набрал сотовый номер друга. Ответил механический голос, сообщивший, что аппарат абонента выключен. Гуров предположил, что именно в этот момент Крячко занимается зубом, возможно даже, с помощью

стоматолога. Решив не мешать Стасу в этом нужном деле, Лев спокойно отправился к генералу Орлову.

Генерал-лейтенант выглядел озабоченным. Гурову это не понравилось, поскольку могло означать только одно: появилась серьезная работа. И работа не слишком приятная...

Профессию свою полковник Гуров не просто любил – он считал ее для себя единственно возможной. Никем иным, кроме как сыщиком, он себя не представлял.

– Садись, Лева, – бросил Орлов и тут же оговорился: – Собственно, садиться даже необязательно. Потому что известно немного, а неизвестное узнаешь на месте.

«Все-таки придется ехать», – раздраженно подумал полковник, бросив взгляд на окно.

В кабинете Орлова оно было закрыто каскадом горизонтально спадающих жалюзи, скрывая таким образом царившую на улице погодную мерзость.

– А что случилось? – уточнил Гуров.

– Человек найден мертвым в частной гостинице, – Орлов посмотрел в лежавшую перед ним бумагу, – «Аркада».

– Это где? – уточнил Гуров.

– Вот тебе адрес. – Генерал-лейтенант протянул бумагу.

«Дальше, видимо, Гугл в помощь», – пронеслось в голове полковника.

– Огнестрел? – коротко спросил он.

– Нет, – ответил Петр Николаевич и, помолчав, добавил: – Там вообще непонятно что. Найден мертвым, без следов на-

сильственной смерти.

Гуров чуть удивленно поднял брови.

– Так, а при чем здесь мы? Пусть разбираются те, кто на земле.

Орлов посмотрел на полковника, затем отвел взгляд в сторону и принялся перебирать бумаги на столе. Так он поступал всегда, когда хотел избежать прямого ответа.

– Надо проверить, – неопределенно проговорил он. – Кстати, а где у нас Крячко? В принципе, это больше его работа.

– Да Крячко... – Гуров махнул рукой. – У него зуб болит. Не приехал еще. Поеду сам.

– Зуб?! Сколько он у него может болеть? – сердито заворчал Орлов. – Давно выдрать надо к чертовой матери! Он что, у врача так и не был?

– Ты что, Крячко не знаешь? – пожал плечами Гуров.

– В общем, так! Как появится, скажи, что я ему домой стоматолога пришлю с этим, как его... аппаратом по выдергиванию зубов. А лучше со щипцами! Знаешь, как раньше фельдшеры в деревнях зубы драли? И без всякого обезболивающего! А в качестве анестезии деревянную колотушку использовали! Тюк по лбу – и вот тебе общий наркоз! Так вот я такого специалиста к Крячко и отправлю! И еще наряд, чтобы не вырвался! – пригрозил Орлов.

Гуров рассмеялся, представив стоматолога с колотушкой в одной руке и жуткими щипцами в другой, выпученные

от страха глаза Крячко и двух молчаливых полицейских, готовых зафиксировать Стаса, чтобы тот не мешал спасительной экзекуции...

– Кто этот мертвый, известно?

– Известно. Зовут Олег Никонов. Профессия – журналист. Постоянно проживает в Москвореченске, – сжато, как на докладе, проинформировал генерал-лейтенант.

Гуров изогнул бровь.

– А по каким делам приехал в Москву?

– А вот это неизвестно, – тут же отозвался Орлов. – Видимо, по журналистским.

– А почему он остановился в частной гостинице? От Москвореченска до столицы полтора часа езды. Для чего ему здесь селиться? Не проще ли сделать свои дела и вернуться домой? Номер в частной гостинице небось недешево стоит. Или у нас провинциальные журналисты стали хорошо зарабатывать? Я, конечно, искренне рад за них, но что-то мне в это слабо верится, чтобы порадоваться от души!

– Лева, Лева! – укоризненно покачал головой Орлов. – Ты заговорил прямо как Крячко! Он на тебя дурно влияет. Что это за меркантильные штучки: «Недешево, сколько зарабатывают»?

– Это не меркантильные штучки, а вполне резонные вопросы, – возразил Гуров. – Я бы, например, не стал останавливаться в Москвореченске, а вернулся бы в Москву на машине.

– Бензин нынче тоже недешев! – отрезал Орлов. – Может, ему так выгоднее получалось? Или человек хотел поселиться с комфортом? А не мотаться туда-сюда по расквашенной дороге зимой!

Гуров в сомнении покачал головой.

– В общем, езжай, – подвел под разговором черту генерал Орлов. – На месте разберешься.

Но когда Гуров подходил к дверям кабинета, генерал-лейтенант окликнул его уже другим тоном:

– Лева...

Гуров обернулся.

Орлов протирал мягкой бархатной тряпочкой снятые очки.

– Ты только там аккуратненько поработай. Ладно, Лева? – просительно проговорил Орлов.

Гуров не стал уточнять, что значит «аккуратненько», поскольку понял, что, скорее всего, распоряжение заняться проверкой журналиста, найденного мертвым в гостинице «Аркада», исходит не от Орлова. Ему, похоже, самому позвонили и велели провести проверку. Так что неопределенное словечко «аккуратненько» включало в себя целый спектр понятий – от просьбы проявить весь свой профессионализм до предостережения проявлять его сверх меры, дабы в служебном рвении не раскрыть того, чего не требовалось.

Гуров, опытный сыщик, хорошо знающий изнанку работы в правоохранительных органах, уже смекнул, что целью

его нового расследования является некая разведка – прощупать, понять, что там произошло, доложить свои выводы начальству, дабы оно в свою очередь сделало собственное заключение – такое, которое устроит всех. Что ж, к подобным вещам Гурову было не привыкать, и хотя он не одобрял их, но Орлову кивнул в знак того, что все понял и сделает в соответствии с полученными указаниями.

Гуров вышел из кабинета, держа в руках бумагу с адресом частной гостиницы «Аркада». Он слегка поежился, представив, что снова придется идти по мокрому, расквашенному тротуару Петровки, а потом по пробкам, глядя на мутно мерцающие светофоры, пробираться к указанной в бумаге улице. В глубине души он даже позавидовал Крячко, сидевшему сейчас в кресле стоматолога. Гуров был почти уверен, что после перенесенных страданий Стас непременно потребует себе больничный, а зная его умение включать обаяние и располагать к себе людей, когда ему это выгодно, несколько не сомневался, что больничный он получит. Следовательно, в ближайшие два дня в главке он не появится, будет отлеживаться на диване в тепле и сытости.

* * *

Частная гостиница «Аркада» представляла собой здание постройки начала нынешнего века – аккуратненький трехэтажный особнячок, стоящий в окружении хрущевок, по-

ликлиники и шиномонтажа. Гуров открыл дверь гостиницы и в вестибюле увидел знакомого эксперта Григория с неизменным чемоданчиком, который беседовал с каким-то человеком. Это был мужчина средних лет, невысокого роста, с крупной залысиной и довольно симпатичными чертами лица. Держался он с большим достоинством, говорил размеренно, выделяя каждую фразу интонационно.

Полковник подошел к ним, поздоровался за руку с экспертом, а перед незнакомым мужчиной развернул удостоверение.

– Полковник Гуров Лев Иванович, ГУВД Москвы, – представился он.

– Полянский Владимир Игоревич, – в свою очередь отрекомендовался мужчина. – Директор гостиницы.

– Ну, давайте показывайте, рассказывайте... Что случилось? – Эти рутинные вопросы за свою карьеру Гурову приходилось задавать тысячи раз.

– Случилось просто непредвиденное, непредвиденное! – делая акцент на последнем слове, сказал директор. – Это вопиющая ситуация! Я не первый год на административной должности, но с таким сталкиваюсь впервые!

– Вы уверены, что человек мертв? – осведомился Гуров, которого в первую очередь волновал именно этот вопрос.

Лев тоже был далеко не первый год на своей службе, и ему не единожды доводилось сталкиваться с ситуацией, когда мертвый на первый взгляд человек оказывался челове-

ком без сознания. В большинстве случаев вовремя оказанная медицинская помощь неизменно возвращала потерпевшего к жизни. Гуров в душе надеялся, что нынешний случай из той же серии.

Полянский застыл. Видимо, подобное не приходило ему в голову.

– Ну, я, конечно, не врач... – медленно проговорил он. – Но все же...

– Где человек? – коротко спросил Гуров.

Полянский немного нервно выбросил вперед руку, указывая на коридор, отходивший от вестибюля влево.

– Прошу! – произнес он, приглашая.

– Пойдемте, – сказал Гуров, и они вместе с экспертом последовали за Полянским.

Директор гостиницы дошел до двери и хотел было уже открыть ее, как вдруг отдернул руку и повернулся к Гурову:

– Лев Иванович, а можно прикасаться-то к ручке? А вдруг отпечатки?

Гуров вместо ответа вынул из кармана платок, обернул им дверную ручку и таким образом сам открыл дверь.

Это был стандартный гостиничный номер среднего уровня – комната с большой кроватью, шкафом, тумбочками и телевизором. Справа была дверь, ведущая в санузел.

В комнате стояло кресло, в котором в неестественной позе сидел, запрокинув голову, молодой мужчина. Одна рука лежала на подлокотнике, другая безжизненно свисала вниз.

Гуров посмотрел на эксперта, тот поднес палец к шее молодого человека, затем оттянул веко.

– Мертв, – коротко резюмировал он.

– Мы тоже так делали, – проговорил Полянский. – Если бы сомневались, то позвонили бы не в полицию, а в «Скорую».

Кажется, директор гостиницы испытывал противоречивые чувства: с одной стороны, он был удовлетворен, что поставил верный диагноз и не зря побеспокоил полицию; с другой – ему, разумеется, очень бы хотелось, чтобы человек оказался живым. Или уж на крайний случай умершим естественной смертью.

Перед креслом на журнальном столике стояли бутылка вина и почти пустой бокал. Невозмутимый Григорий осмотрел место происшествия и привычным движением раскрыл свой чемоданчик. Низенький Полянский осторожно выглядывал из-за плеча высокого Гурова, следя за действиями эксперта.

– А кто его обнаружил? – спросил Гуров.

– Горничная, – ответил Полянский. – У нас горничные утром должны убираться в номерах. Вот она в девять пятнадцать утра и постучала. Ей никто не ответил. Она постучала настойчивее, – Владимир Игоревич повысил голос, – но результата не было! Тогда горничная открыла дверь своим ключом, и вот, – директор показал на сидящий в кресле труп, – обнаружила... Естественно, она была в ужасе, при-

бежала ко мне, а я только-только появился на работе. Я тоже прошел в номер, потрогал его, как вот... ваш сотрудник, — он кивнул на эксперта, — и понял, что молодой человек, к сожалению, мертв, и тут же набрал полицию.

Гуров оглядел комнату. Ни следов борьбы, ни какого-нибудь другого беспорядка не наблюдалось.

— Документы его на месте? — спросил полковник.

— Не знаю, мы не смотрели, — развел руками Полянский. — Лазить по вещам постояльцев не в наших правилах! — заключил он с гордостью за весь персонал.

— Как его зовут? — уточнил Гуров, сверяя информацию с данными, полученными от Орлова.

Он знал, что нередко люди останавливаются в гостиницах под вымышленными именами, хотя в России эта практика не так распространена, как, например, на Западе: все-таки в большинстве подобных заведений принято требовать документы, а не верить клиентам на слово.

— Олег Никонов, — ответил директор гостиницы. — По крайней мере, он зарегистрировался именно так, предъявил паспорт.

— А вещи его где? — спросил Гуров. — Видели?

Полянский лишь указал на лежавшую на соседнем кресле сумку. Она была совсем небольшой, фасона планшет. Гуров открыл ее и стал проверять содержимое. Директор в этот момент стыдливо отвел глаза, словно ему было неприятно присутствовать при подобном осмотре.

В сумке не обнаружилось ничего интересного. А главное, не было документов. Гуров подошел к телу, над которым уже колдовал эксперт.

Лев тщательно осмотрел карманы погибшего. Из внутреннего достал паспорт в синей кожаной обложке и журналистское удостоверение на имя Олега Никонова. Водительских прав не было.

– А где его машина? – обратился он к Полянскому.

– Он приехал без машины, – ответил тот. – Возможно, добирался поездом.

– Возможно, – согласился Гуров и проверил боковые наружные карманы. В одном из них он действительно нашел билет на электричку.

– Он говорил, откуда приехал? – спросил полковник.

Полянский наморщил высокий лоб.

– Да, кажется, говорил, что откуда-то из Подмосковья – Можайска, Москвореченска... Точно не помню.

– Когда заселился?

– Позавчера, ближе к вечеру.

– Он у вас первый раз появился или бывал до этого?

– Нет, впервые, – покачал головой Полянский. – Оплатил номер за три дня.

– А с какими целями прибыл?

– Этого я не знаю. У нас не принято проявлять излишнее любопытство.

Гуров помолчал, бросил взгляд на эксперта, который,

не обращая ни на кого внимания, занялся своим делом, и спросил:

– А другие постояльцы? Они все здесь или кто-то съехал после происшествия? И кстати, сколько их?

– Так, давайте по порядку, – отозвался обстоятельный Полянский. – Всего у нас двадцать номеров: двенадцать на первом этаже и восемь на втором. Сейчас заселено восемь номеров – пять на первом и три на втором. На первом этаже, собственно, остаются четыре номера. В одном проживает гражданин Польши, в другом – командированный из Сибири, в третьем – семья из трех человек, в четвертом – пожилая дама из Петербурга.

– Это все ваши постоянные клиенты?

– М-м-м, не совсем. Командированный, по-моему, уже третий раз у нас – ему здесь нравится.

При этих словах у директора стало такое лицо, словно он хотел продемонстрировать те огромные усилия, которые прикладывает персонал, чтобы клиенты, раз побывавшие в «Аркаде», обязательно переходили в разряд постоянных, то есть в дальнейшем останавливались только в здешних номерах.

– Пожилая дама появилась впервые, – продолжал Полянский. – Поляк приехал по каким-то бизнес-делам, он у нас по рекомендации одного знакомого, уже второй раз за полгода. Что касается семьи, то они долго с нами списывались по Интернету, спрашивали про условия – им очень важ-

но, чтобы было спокойно, уютно и чтобы был первый этаж. У них ребенок инвалид-колясочник. Мы наконец обо всем договорились, забронировали номер, и неделю назад они приехали. Собираются в следующем году посетить нас снова, уже летом, и мы очень на это надеемся. Лев Иванович, теперь вы понимаете, насколько для нас важна репутация!

– Да-да, я понимаю. Давайте я их опрошу, а вы попросите остальных, чтобы задержались, – сказал Гуров.

Полянский замялся, шаркая ногой.

– Что такое? – поднял бровь Гуров.

– Лев Иванович, а нельзя как-нибудь обойтись без опроса хотя бы этой семьи? – с чрезвычайно доверительными интонациями заговорил директор. – Я же вам объяснил, нам очень важно сохранить свое лицо.

Полянский смотрел на Гурова просящим взглядом, всеми силами стараясь включить сыщика в группу сочувствующих. Гуров усмехнулся про себя и заговорил с Полянским на его языке. Предельно вежливо произнес:

– Владимир Игоревич, вы, я вижу, человек, привыкший проявлять уважение к чужим интересам.

– Безусловно! – с чрезвычайно гордым видом кивнул Полянский. – Безусловно!

– Прошу меня внимательно выслушать, – продолжал Гуров.

– Весь внимание, – с готовностью кивнул директор гостиницы.

– Вы, как директор гостиницы, очень заинтересованы в сохранении интересов своих постояльцев. А я... – Гуров сделал многозначительную паузу. – Заинтересован в раскрытии преступления. Понимаете? У меня тоже есть свои интересы, вполне законные. И я был бы очень вам признателен, – Гуров невольно скопировал манеру Полянского, – если бы вы уважали мою позицию и позволили провести расследование так, как я считаю нужным.

Полянский на секунду застыл, осмысливая услышанное, после чего утвердительно кивнул:

– Понял вас!

– Так, пожалуйста, попросите остальных задержаться, – повторил Гуров и повернулся к одной из дверей.

Полянский тут же подошел и аккуратно постучал.

Первым перед Гуровым предстал гражданин Польши. Дверь он открыл, держа в руках электробритву. Это был мужчина средних лет и среднего телосложения.

– Доброе утро, пан Ольшевский, доброе утро, – с преувеличенной доброжелательностью поздоровался с постояльцем Полянский. – Вы слышали, у нас произошло несчастье? – Это сообщение директора гостиницы шло вразрез с его приветствием.

– Нет, – покачал головой поляк.

– Вы выходили из номера сегодня утром? – спросил Гуров.

– Нет, – снова коротко ответил постоялец. – А в чем дело?

Он смерил Гурова оценивающим взглядом, потом посмотрел на Полянского. На лице директора гостиницы читался целый свод извинений. Однако он молчал, предоставляя право задавать вопросы полковнику.

– Дело в том, что ваш сосед из номера напротив был найден сегодня мертвым, – сообщил Гуров.

– Напротив? – переспросил поляк и вопросительно уставился на полуоткрытую дверь номера, за которой суетился эксперт. Потом он снова посмотрел на Гурова.

– Полиция? – полувопросительно-полуутвердительно сказал он.

– Да. Вы встречались с ним, видели его?

Пан Ольшевский недоуменно переводил взгляд с Гурова на Полянского и обратно.

– Там никто не был, – с четко выраженным акцентом выговорил он.

– То есть вы никого там не видели? – переспросил Гуров.

Поляк отрицательно покачал головой. Было видно, что Ольшевский не очень хорошо владеет русским и вообще чувствует себя не в своей тарелке. Он бесцельно вертел в руках бритву и пожимал плечами. Всем своим видом постоялец выражал желание помочь следствию, но не знал как. Гуров решил, что от поляка вряд ли можно добиться чего-то еще и направился к следующей двери.

– Здесь семья, Лев Иванович! – склонив голову, доложил Полянский. – Ребенок в инвалидной коляске.

Его полный укора взгляд, по всей видимости, должен был призвать полковника вести себя предельно корректно, если уж тот совершает такую бестактность – беспокоит семью с больным ребенком.

Директор гостиницы постучал в комнату. Дверь открыла женщина средних лет.

– Здравствуйте, Ирина Николаевна, – Полянский приложил руку к груди. – У нас, к сожалению, небольшие проблемы. Но вы не волнуйтесь, вас это не должно беспокоить.

– А что случилось? – сразу же взволновалась Ирина Николаевна. За ее спиной показался мужчина.

– Что произошло? – спросил он.

– Это непредвиденное обстоятельство, – с видом человека, озабоченного прежде всего репутацией своего заведения, заговорил Полянский. – В номере наискосок от вас умер человек.

– Господи боже мой! – сразу же воскликнула женщина. – Как так?!

– Мы как раз выясняем, как это произошло, и вот полковник из Главного управления задаст вам несколько вопросов. Я надеюсь, это не займет много времени. Мы непременно компенсируем вам сегодняшнее беспокойство, – проговорил Владимир Игоревич.

– Вы видели постояльца из этого номера? – спросил Гуров, указывая на дверь, за которой находился труп Никонова.

– Нет, – пожала плечами Ирина Николаевна. Вслед за ней то же самое сделал ее муж, но менее уверенно.

– По-моему, я его видел, – как бы вспоминая, произнес мужчина. – Молодой человек, ничего особенного...

– А что-нибудь слышали ночью? Шум, подозрительные звуки?

– Нет, мы спали.

В этот момент в коридор на инвалидной коляске выехал мальчик лет четырнадцати.

– Дима, ты куда? Езжай обратно в комнату! – засуетилась мать.

Однако мальчик не послушался и с интересом стал вникать в разговор.

– Кого убили? Молодого парня? – вдруг спросил он.

Мать с отцом как по команде осуждающе посмотрели на сына. Но он не обратил на них внимания и пристально уставился на Гурова в ожидании ответа.

– Да, – ответил полковник, – из номера напротив вашего. А что, ты видел что-нибудь?

– Да что он может видеть?! – вступился отец. – Он же на коляске передвигается!

– Так-то он у нас совершенно нормальный, – поспешила добавить Ирина Николаевна, – только с ногами вот беда...

– А можно посмотреть на него? – спросил мальчик, перебивая родителей.

– На кого? – удивился Гуров.

– На того, кого убили...

– Дима, это что такое?! – заголосила мать. – Ты что это вздумал, а?! Ну-ка, быстро езжай в комнату!

– Никого ты смотреть не будешь, – решительно сказал отец. – Разворачивай коляску!

В этот момент дверь номера Никонова открылась и на пороге возник эксперт:

– Лев Иванович, я там кое-что обнаружил...

Гуров уже собирался последовать за экспертом, когда за его спиной снова раздался голос Димы.

– Это там его убили? – спросил мальчик, вытягивая руку в направлении открытой двери. – В том номере?

– Да, – резко обернувшись, ответил Гуров.

Мальчик неожиданно схватил полковника за рукав и энергично затряс рукой.

– Но он совсем не сюда входил! А вот сюда!

И показал на соседнюю с номером Никонова дверь. Гуров нахмурился.

– Ты что, видел, что он сюда входил?

– Да, – уверенно заявил подросток. – Именно сюда!

Гуров повернулся к директору гостиницы. Полянский, казалось, готов был прожечь несчастного мальчика-инвалида глазами, превратить его в радиоактивный пепел... Впрочем, возможно, полковнику это показалось... Все равно надо будет проверить...

– Владимир Игоревич, а кто у вас занимает этот номер?

Или... занимал?

– Этот номер никто не занимал! – делая акцент на слове «никто», ответил Полянский.

– А кого ты видел? Кто сюда заходил? – Гуров повернулся к Диме.

– Молодой парень, высокий такой...

Гуров нахмурился еще больше – убитого Никонова нельзя было назвать высоким.

– Да не слушайте вы его! – Мать Димы решительно втиснулась между сыном и полковником.

Понизив голос, она сказала Гурову:

– Он же инвалид! Детективы всякие читает, я все время у него книжки эти отбираю... Вот и придумывает невесть что.

– Ты правда видел, что молодой парень входил в эту дверь? – повысив голос, спросил Гуров у Димы, попутно отметив ходившие желваки на лице директора гостиницы Полянского.

Полковник понимал, что скорее всего в этом случае устами младенца глаголет истина, он лицо абсолютно не заинтересованное, чего нельзя сказать о взрослых. Директору лучше скрыть, что кто-то у него занимал соседний номер, а родители просто не хотят впутывать ребенка во всю эту историю и вообще были бы счастливы свернуть побыстрее разговор с полковником и закрыть дверь.

– Что за молодой человек заходил в этот номер, Владимир

Игоревич? – спросил Гуров.

– Я понятия не имею ни о каком молодом человеке, – очень убедительно отчеканил Полянский. – Этот номер у нас несколько дней пустует.

– А могу я его осмотреть? А заодно и номер с другой стороны? – Гуров показал на дверь номера слева от никоновского.

– Но там тоже никого нет! Зачем смотреть? Зачем тратить время?

– Давайте осмотрим, – тоном, не предполагающим возражений, произнес полковник.

Полянский нехотя согласился и бросил стоявшей поодаль администраторше:

– Света, принеси ключи от номеров пятнадцать и семнадцать.

Та ушла и вскоре вернулась с ключами.

Гуров сначала зашел в комнату, на которую указывал инвалид Дима. Тот хотел въехать на своей коляске в номер вместе с полковником, но Лев покачал головой и погрозил пальцем. Недовольный Дима остался в коридоре. Позади него с такими же недовольными лицами стояли его родители. Здесь же топтался возмущенный Полянский. Одним словом, Гуров приступил к осмотру номера в обстановке всеобщего недовольства.

На первый взгляд комната выглядела обычно: шкаф, большая кровать, торшер, стол – никаких следов пребывания

постояльцев не наблюдалось. Единственное, что бросилось в глаза полковнику, – влажный пол. И вообще, обстановка была такой, будто здесь совсем недавно убিরались. В номере пахло дезинфицирующими средствами, сквозь которые отчетливо пробивался запах женских духов. Гуров не был силен в парфюмерии, он не смог бы отличить «Шанель» от «Кристиан Диор», но в том, что аромат был женским и дорогим, сыщик не сомневался. Уж дешевку от фирмы он отличить в состоянии. К тому же этот запах что-то смутно ему напоминал...

Гуров заглянул в санузел, осмотрел раковину, унитаз и ванную. Все было чисто вымыто, висело свежее полотенце. Подозрения Гурова усилились, когда он и здесь уловил запах парфюма, причем гораздо более явный, чем в комнате.

Полковник напряг свою ассоциативную память... Точно! Такие духи года два назад Мария привезла из гастролей по Франции. Гуров, конечно, не помнил их названия, но вот сам аромат отчетливо запечатлелся в его памяти. Тот, что неуловимо витал в номере, полностью ему соответствовал.

Вернувшись в комнату, Гуров, не обращая внимания на Полянского, который буквально буравил сыщика глазами, принялся ходить по номеру, после чего неожиданно заглянул под кровать и провел там рукой. Он хотел убедиться, что там еще остался слой пыли. На эту мысль его натолкнули влажные полы... И не ошибся: под кроватью было вымыто

не столь тщательно. Но главное – рука полковника вдруг наткнулась на что-то твердое. Гуров осторожно, двумя пальцами, извлек предмет из-под кровати. Это была губная помада.

Теперь Гуров убедился окончательно: в этом номере совсем недавно была женщина. А по словам Полянского, его никто не занимал в течение нескольких дней.

Гуров повернулся к директору гостиницы:

– Владимир Игоревич, когда этот номер убирала горничная?

– Когда съехал последний постоялец, – ответил Полянский.

– А когда это было?

– Точно я не помню. Можно посмотреть в журнале.

Стоявшая за спиной директора администраторша тут же услужливо протянула журнал. Полянский нервно выхватил его из рук женщины и, нахмутив брови, принялся листать.

– Вот, седьмого декабря, то есть четыре дня назад. Номер занимал Лебедев Игорь Николаевич, приезжий из Самары.

– То есть горничная убиралась здесь восьмого декабря, после его отъезда, – предположил Гуров.

– Да, – ответил Полянский.

– Можете поставить ей на вид, оштрафовать или... я не знаю, как вы поступаете с нерадивыми сотрудницами, – насмешливо сказал полковник.

– Это почему? – вскинул брови директор.

– А вот почему, – с готовностью ответил полковник и по-

казал губную помаду, осторожно держа тюбик за края. – Она убиралась здесь не далее как сегодня, причем крайне халатно. Но это, полагаю, не ее вина. Просто ее заставили убраться и сделать это очень быстро. Вы заставили, Владимир Игоревич. Убиралась она прямо перед нашим приходом, наспех, вымыть под кроватью не успела и не заметила закатившийся туда тюбик губной помады. Дальше. Хотя она и извела, наверное, не один литр дезинфицирующих средств, ей не удалось перебить запах дорогих духов. А это значит, Владимир Игоревич, что совсем недавно этот номер занимала какая-то женщина. Кстати, не подскажите, когда она ушла? Сегодня утром? Сразу после того, как стало известно о смерти Олега Никонова? Конечно, может быть, это губная помада Лебедева или самой неряхи-горничной, но я что-то не очень верю ни в то, ни в другое...

Брови директора снова сдвинулись над переносицей.

– Может, пригласим горничную? – предложил Гуров.

Полянский был в шоке. Он ничего не ответил. Повисла пауза, которую поддерживали все участники осмотра – растерянная администраторша Света, гордый за свою прозорливость инвалид Дима и не знавшие, как на все это реагировать, его родители.

Наконец директор гостиницы, понизив голос, заговорил:

– Лев Иванович, давайте я вам объясню ситуацию. Только... – Полянский обернулся и сделал знак администраторше удалиться.

Света вышла в коридор.

– Нам лучше поговорить наедине, – добавил директор.

Гуров обратился к родителям Димы:

– Пожалуйста, пройдите в свой номер.

Те сразу же закивали, отец развернул коляску сына, направляясь в номер. Гуров задержал их, улыбнулся и протянул руку Диме.

– Спасибо тебе.

Парень с готовностью пожал руку Гурова. Вскоре вся семья скрылась за дверями номера, причем мать Димы кинула напоследок недовольный взгляд и на Гурова, и на Полянского.

Полковник прикрыл дверь. Полянский глубоко вздохнул, приложил руки к груди и заговорил хорошо поставленным и, как ему казалось, вполне убедительным голосом, стараясь придавать интонациям оттенок искренности:

– Лев Иванович, в этом номере действительно жила женщина.

Произнеся эту фразу, Полянский принял вид человека, который с достоинством готовится встретить смерть.

– Так, это очень интересно, – подбодрил его Гуров. – И это, – он указал на уже упакованную в полиэтиленовый пакет помаду, – ее?

Владимир Игоревич как-то сконфуженно опустил глаза и склонил голову набок, как бы подтверждая: «Да, ее!»

– Продолжайте, – подбодрил директора гостиницы Гуров.

– Но вы понимаете, Лев Иванович, это приличная женщина, приличная! – повысил голос Полянский и тут же, словно спохватившись, смутился: – Никто не должен был знать, что она находится у нас.

– Еще интереснее, – насторожился полковник.

– Эта женщина вряд ли имеет отношение к тому, что случилось в соседнем номере...

– Это надо проверить, – спокойно произнес Лев. – Если действительно не имеет, к ней не будет никаких претензий. Так что же это за приличная женщина и почему она жила здесь инкогнито?

– Она жена одного очень влиятельного человека, – глядя в пол, ответил Полянский.

– Какого?

– Я бы не хотел... – начал было Полянский.

– А придется... – перебил его Гуров.

Полянский закатил глаза к потолку, как бы собираясь с духом, и наконец произнес:

– Ее зовут Абрашина Людмила Николаевна.

– А муж ее, соответственно, Абрашин? – уточнил полковник.

– Соответственно, – согласился Полянский.

– А кто он такой?

– Это уважаемый человек, – ответил директор гостиницы, сделав акцент на слове «уважаемый».

– Кем же он уважаемый?

Полянский замялся.

– Бизнесмен? – продолжал выпытывать Гуров.

– Да, он бизнесмен, но чем именно занимается, я не знаю.

– Хорошо. Значит, вы приютили у себя жену этого уважаемого бизнесмена на несколько дней, причем пребывала она у вас здесь тайно. Интересно, с какой целью?

– Лев Иванович! – вновь перешел на доверительный шепот Полянский. – Но вы же понимаете, что я не стану задавать таким людям подобных вопросов! Мало ли с какими целями...

Гуров пытливо посмотрел ему в лицо.

– Ну а почему она сбежала так поспешно? Боится полиции?

Полянский длинно выдохнул:

– Я бы сформулировал это не как боязнь, а как нежелание.

– Но у этого нежелания должны быть причины, – заметил Гуров. – Откуда оно у приличной женщины?

Полянский не отвечал. Гуров задал следующий вопрос:

– Что за молодой человек посещал этот номер? Ведь именно его видел мальчик-инвалид?!

– Насчет молодого человека – не знаю! – прижал руки к груди Полянский. – Постояльцы нам платят и принимают у себя кого хотят и когда хотят.

– Понятно. Значит, молодой любовник? – хмыкнул полковник.

Полянский вздохнул и покачал головой.

– Может быть, дела любовные, может быть, деловые встречи – меня это не касается.

– А все же, Владимир Игоревич, что за молодой человек? – настаивал Гуров.

– Лев Иванович, не знаю! – снова прижал руки к груди директор гостиницы. – Я никогда его не видел.

– А кто видел? У вас камеры есть?

– Камеры есть.

– Придется записи изъять и просмотреть.

Полянский скорбно склонил голову в знак вынужденного согласия.

Гуров счел разговор законченным и, забрав пакетик с губной помадой, вышел в коридор. Там ему встретился поляк, который с папкой в руках направлялся к выходу из отеля.

– У вас ко мне есть еще вопросы? – спросил он.

– Вы видели кого-нибудь из тех, кто жил в этом номере? – Полковник указал на дверь, из которой только что вышел.

Поляк отрицательно покачал головой.

– Тогда вопросов больше нет, – сказал Гуров и пошел в номер, где возле мертвого тела Олега Никонова заканчивал свою работу эксперт.

Глава 2

Крячко лениво открыл глаза и осмотрелся. Было утро. Из домашних уже никого не было, поэтому Станислава никто и не разбудил. Поднявшись с кровати и посмотрев на часы, он увидел, что время давно перевалило за девять часов. Но полковника сейчас это не волновало. Он не сомневался, что имеет законное право опоздать на службу, поскольку накануне пережил почти хирургическое вмешательство. И вообще, можно было бы с чистой совестью взять больничный. Однако Крячко все-таки склонялся к мысли, что больничный из-за потери зуба ему никто не даст, а генерал-лейтенант Орлов будет крайне недоволен, узнав, что Стас не просто провалял дурака все предыдущие дни, а еще и претендует на дополнительный отдых. Да и перед Львом было неудобно – он и так все это время отдувался за двоих, благо, дел срочных не было. К тому же, лишившись ненавистного зуба, Стас, избавился от боли, если не считать немного саднившую ранку. Но это уже было сущей ерундой, на которую не стоило обращать внимания. Словом, Крячко решил отправиться на работу.

Он опустил ноги на пол, с первого раза попал в тапочки (это еще больше подняло настроение) и пошлепал в кухню.

Готового завтрака там не было, поэтому пришлось готовить самому. А всерьез заниматься приготовлением пищи

Станислав не любил. Он достал из холодильника толстый ломоть сала с розовыми прожилками, щедро настрогал его на сковороду и поставил на огонь. Разбив два яйца о край этой же сковороды и умудрившись при этом уронить еще одно яйцо на пол, Крячко принялся ждать, когда будет готов его кулинарный шедевр.

Вообще, к кулинарному делу Крячко подходил своеобразно. В отличие от педантичного Гурова, который все делал строго по рецепту, Крячко исповедовал «творческий подход», как сам его называл. Заключался он в том, что Станислав, не заморачиваясь, просто вываливал в сковородку все, что находил в холодильнике, перемешивал, поливал яйцами и зажаривал. Правда, порой он мог смешать совершенно несочетаемые продукты, как, например, колбасу и дольки ананасов, но все равно в итоге получалось очень даже вкусно. Однажды он, за неимением майонеза, сметаны и кетчупа, полил свой шедевр ряженкой. Нежная консистенция необычного блюда тогда просто восхитила Стаса. Но сегодня набор продуктов был классическим – сало и яйца, – и соответственно блюдо получилось традиционным.

Позавтракав и выпив чашку кофе, Крячко с довольной улыбкой отправился на работу. Машину он решил не брать, так как вчера, вернувшись из аптеки исцеленным, на радостях изрядно «принял на грудь».

Добравшись до отдела, сыщик с довольным видом и горячим желанием включиться в процесс проследовал в свой

кабинет. К великому сожалению, своего боевого товарища Льва Гурова Стас на месте не обнаружил. Сидеть одному было скучно, к тому же очень хотелось похвастаться счастливым выздоровлением, и он решил отправиться к Орлову.

Постучав, Крячко вошел в кабинет:

– Здравсте, Петр Николаич! – громко известил он начальство о своем визите и вальяжно уселся на диване.

– Станислав, какими судьбами? А мы тебя и не ждали... – ехидно проговорил генерал-лейтенант, листая бумаги.

– Что значит – не ждали? – искренне удивился Крячко.

– Ну, ты на работу ходить перестал, мы думали, тебе неинтересно стало. Я уж и приказ об увольнении Верочку попросил подготовить.

– Как? Да я же это, зуб лечил.

– А потом? – грозно посмотрел на него Орлов.

– А потом поправлялся!

– От лечения?

– От лечения! Как вылечился – сразу на любимую работу!

А где Лева?

– А Лева уже давно работает.

– Где?

– На месте происшествия, – кратко ответил Орлов.

– Ну так давай я к нему поеду, помогу...

– Не нужен ты ему со своей подмогой, он и сам справится! – решительно возразил Орлов.

– А мне что делать? – растерялся Крячко, но тут же пере-

шел в атаку: – Сразу предупреждаю – писанину вашу я разгребать не намерен! Это вообще не мое!

В этот момент у Орлова зазвонил телефон. Закончив разговор, генерал многозначительно обратился к Крячко.

– Значит, не намерен. Что ж, хорошо, тогда ты, Станислав, отправляешься в Москвореченск.

– Куда-а-а? – протянул удивленно Крячко.

– В Москвореченск. Городок такой, неужели не знаешь? Там жил убитый, Лев только что позвонил и сообщил.

– Какой убитый? Кто он? – Крячко начал строчить вопросами.

Орлов ввел Стаса в курс дела, рассказал все, что знал по этому делу сам. Крячко согласно кивал, однако, когда Орлов закончил, заявил:

– Как же я поеду? На чем?

– Что значит – как? Берешь машину и едешь.

– А я без машины сегодня!

– Станислав, ты все время без нее, – устало напомнил генерал-лейтенант.

– Ну и что, а сейчас я за ней не поеду.

– И не надо. Выделим тебе служебную, не переживай.

Но Крячко продолжал сопротивляться.

– А мне за руль нельзя! – категорически отказался он.

– Это как?

– А так! Я же лечился вчера, вот и нельзя.

– Хорошо ты лечился, я смотрю! – насмешливо произнес

Орлов.

– Но вылечился же! – не без гордости парировал Крячко. – Давай мне водителя – тогда поеду!

– Стас, ну какого водителя, все заняты, кто тебя повезет?

– А я без водителя не поеду. Я не собираюсь подвергать риску свои и чужие жизни! – упирался Крячко.

– Тогда садись и разгребай писанину! – разозлился Орлов.

– И писанину разгребать я не собираюсь, я только с больничного вышел и не намерен заниматься рутинной!

– Да что же ты как маленький, Стас! – возмутился Орлов, но, зная про непробиваемое упрямство Крячко, все же сдался: – Ладно, будет тебе и машина, и водитель.

Удовлетворенный Крячко направился в кабинет ждать водителя и пить чай. Через пятнадцать минут в дверь постучали.

– Здравствуйте! – поздоровался с Крячко молодой лейтенант.

– Ну привет! – откинувшись на спинку кресла и положив ноги на гуровский табурет, бросил Станислав. – Сейчас я чай допью, и поедем.

– А куда едем?

– В Москвореченск! – важно сказал Стас.

– Понял. Я вас внизу в машине подожду, – сказал парень, подозревая, что чаю ему здесь никто не предложит.

Крячко ничего не ответил, махнул рукой, внутренне радуясь понятливости водителя. Он не спеша допил чай, одел-

ся и вышел на улицу. Открыл дверцу машины, сел, вальяжно развалившись на сиденье.

– Заводи! – скомандовал Стас и начал тыкать кнопки магнитолы в поиске подходящей музыки.

Водитель завел мотор, и машина покатила по заснеженной улице. Салон очень быстро прогрелся, и довольный Крячко уткнулся подбородком в воротник куртки.

* * *

Москвореченск – типичный райцентр Подмосковья – в середине декабря представлял собой зрелище весьма несимпатичное. Грязные кучи снега, серые невыразительные хрущевки, народ в одинаковых куртках-дубленках невзрачных расцветок с капюшонами.

Водитель вел машину по навигатору. Путь лежал на улицу Советскую, которая находилась в квартале, ограниченном улицами Первомайской, Кирова и Горького. Эти улицы были похожи друг на друга, как и их названия, которые можно встретить практически в любом городе России.

На улице Советской находился офис интернет-издания moskvareka.ru, в котором трудился убитый Олег Никонов. Офис располагался в двухэтажном доме и занимал маленькое помещение, вход в которое едва угадывался в торце здания. Впрочем, это Крячко предстояло еще обнаружить, поскольку с фронтальной стороны дома не было никаких ука-

зателей.

Крячко прошел через предбанник, открыл дверь, на которой висела бумажная табличка с названием интернет-издания, и оказался в очень тесной комнатке, где стояло три стола с компьютерами. За одним из них сидел долговязый худой мужчина средних лет, в очках на вытянутом лице, имевшем унылое выражение. За дальним столом сидела молодая коротко стриженная брюнетка.

– Здравствуйте, – произнес Крячко и полез в карман за удостоверением.

Мужчина в очках подозрительно, как показалось подполковнику, на него посмотрел.

– День добрый, – настороженно сказал долговязый, придав своему лицу серьезное выражение.

Он встал со стула и вытянулся прямо перед Крячко на все свои сто восемьдесят пять сантиметров.

– Я из Москвы, из полиции, по поводу Олега Никонова, – обстоятельно объяснил Стас, раскрывая удостоверение.

– А что с ним случилось? – насторожился собеседник, косясь на удостоверение. Крячко захлопнул «корочки» и быстро убрал документ в карман.

– Об этом чуть позже, – пообещал полковник и без приглашения взял стул от соседнего стола. – Для начала ответьте на мои вопросы. Первый: какую должность у вас занимает Олег Никонов?

Худошавый слегка растерялся, поправил очки и сел

на свое место.

– Он вообще-то владелец нашего интернет-ресурса.

– А вы кто?

– Я старший редактор, Антон Дубнев, – мужчина подчеркнул слово «старший».

– Хорошо, Антон, значит, Олег – ваш непосредственный начальник, – резюмировал Крячко.

– Он вообще начальник, – ответил Антон. – Нас всего тут четыре человека, то есть Олег, я, Наташа, – он кивнул в сторону молодой брюнетки, – и еще Ольга, но ее сейчас нет на месте.

– А скажи, Антон, – по своему обыкновению Крячко перешел на фамильярный стиль общения, – когда ты последний раз видел Олега?

– Видел несколько дней назад, потому что он уехал в Москву по делам. А слышал – вчера вечером, мы созванивались. И все-таки, что случилось? – насторожился Дубнев. – Я звоню ему сегодня с утра, но телефон недоступен. И... ваше появление здесь...

– Оно не случайно, – подхватил Крячко, – сегодня утром ваш начальник был обнаружен мертвым в номере московского отеля.

Глаза Дубнева широко раскрылись, это было заметно даже сквозь очки. Сидевшая за соседним столом Наташа вскрикнула, прикрыв рот рукой.

– И в связи с этим у меня к вам есть вопросы.

– Его убили? – уточнил Дубнев. При этом лицо старшего редактора как-то даже вроде окаменело.

– Вот это пока непонятно. Не сам же он отравился...

– Вот как? Отравили, значит... То есть вы пришли к нам узнать, кто бы мог это сделать? – спросил Дубнев, но, не дождавшись ответа, снял очки, покачал головой и воскликнул: – Поверить не могу!

– Тем не менее поверить придется, – серьезно произнес Крячко. – Ну и, естественно, учитывая вашу профессию, я сразу же отрабатываю версию, как это у нас говорится, «связанную с профессиональной деятельностью» убитого.

Выражение лица Дубнева приобрело оттенок праведного гнева.

– Разумеется! – закивал он. – С чем же еще это может быть связано? Я это предвидел.

– Вы провидец? – уточнил Крячко без тени улыбки на лице.

Нарочито серьезный вид его сбил с толку Дубнева, принявшего высказывание полковника за чистую монету.

– А тут не нужно быть провидцем, – сухо сказал он. – Это очевидно!

– Правда? – заинтересовался Крячко. – Может быть, вы и имя убийцы можете назвать?

– А здесь не надо далеко ходить! – развел руками старший редактор. – Как бы печально это ни звучало, но здесь не обошлось без участия мэра нашего города Валерия Ан-

дреевича Галактионова, – сказал он. – Не лично, конечно. Но у него целая свита лакеев, которых можно использовать в любой роли.

– Отчего так? – поднял бровь Крячко, не ожидавший столь категоричного суждения.

– Оттого, что Олег готовил серьезный материал о коррупции в нашей администрации.

– Ворует? – прямо спросил полковник. – Этот ваш мэр – ворует?

– Сейчас много кто ворует! – не снижая градус гнева,отреагировал журналист. – Но у нас это приняло беспрецедентный характер! В городе ничего не развивается, творится бог знает что... И после этого принимается решение о том, что Валерий Андреевич должен пойти на повышение в московскую областную администрацию! Да его надо снимать и отдавать под суд. И вообще воровство – это бич нашей страны. Оно существует испокон веков. Об этом еще Карамзин говорил!

– А где эти материалы? – прервал Антона Крячко и кивнул в сторону компьютера. – Здесь?

Дубнев скорбно покачал головой:

– Олег ничего здесь такого не хранил. Только дома.

– Поехали туда, – сразу же среагировал Крячко. – Где он жил?

– Здесь недалеко, пятнадцать минут ходьбы.

– Это его квартира?

– Нет, он снимает... Снимал, – поправился Антон. – Он ведь не местный, из Пензы, сюда приехал несколько лет назад. Сначала хотел в Москве обосноваться, но там не получилось, вот и приехал к нам.

– Это он организовал вашу газету или... как это сейчас называется – интернет-издание?..

– Электронное СМИ, – с важным видом поправил полковника Дубнев. – Да. Вернее, у меня давно была такая идея, а после нашей встречи она практически реализовалась.

– То есть идея была твоя? – Крячко продолжал общаться на «ты», что, впрочем, было ему свойственно.

– Можно сказать и так, – ответил Дубнев. – Дело в том, что у нас сейчас так много людей, набивающих карманы за счет других и делающих это так нагло и бесцеремонно, что идея о противостоянии подобному злу просто витает в воздухе. Конечно, не всякий решится на противоборство – а вот мы с Олегом решились. Теперь его нет...

– То есть ты остался единственный противоборец? – Реплика Крячко прозвучала не к месту иронично. Дубнев с укором посмотрел на Стаса и сухо заметил:

– Напрасно вы иронизируете. Мы стараемся защищать интересы простых граждан.

– Да у меня и в мыслях не было! А девушка у него была? – продолжил расспросы Крячко.

– Я лично не видел. Вернее, видел, но лично незнаком, – уточнил Антон. – Сюда она не приходила.

Крячко уловил едва заметное движение в их сторону Наташи, которая с влажными глазами сидела на своем рабочем месте. Однако этот порыв был настолько мимолетным, что Крячко вскоре забыл о нем.

– А родители его где? В Пензе? – спросил полковник.

– Да, конечно, где же им еще быть, – ответил Дубнев.

– Ну а друзья? Круг общения – с этим как? – Крячко окончательно вошел в роль сыщика.

– Круг общения для Олега – это в основном его работа. Вот мы с Наташей. Ольга есть еще, но она совсем недавно здесь появилась.

– А вы здесь, значит, все единомышленники? Оппозиционеры, как я понимаю?

– Оппозиционеры бывают разными, – серьезно заявил Антон. – Всю эту шваль с белыми лентами мы и сами не любим. Но и таких чиновников, как Галактионов, жаловать не будем. Этих людей надо уничтожать как класс. Неосвоенных пространств в стране предостаточно, нужны люди, чтобы их осваивать. И мы это сделаем! – с убежденностью закончил свой монолог Дубнев.

– Мы – это кто? – поинтересовался Крячко, бросив взгляд на сидевшую в углу девушку.

Стас задал этот вопрос скорее по инерции, он догадывался, что подразумевает под местоимением «мы» Дубнев.

– Есть определенные люди, – важно заметил журналист. – Я общаюсь с некоторыми из них... Капитан ФСБ, армей-

ские офицеры, производственники. Понимаете, это люди дела! Кстати, полиции мы не очень доверяем. – Журналист посмотрел на Крячко с укором.

– Почему? – опять же по инерции спросил Крячко.

– Среди вас слишком много людей, которые, кроме своего кармана, не видят ничего. Это без обид и ничего личного, – тут же поправился он. – А армейцы и гэбэшники – это как раз те люди, которых я уважаю.

– Ну, я тебя разубеждать не собираюсь, – примирительно ответил полковник. – Собирайся, поехали, покажешь, где квартира Никонова.

Антон от неожиданности растерялся, попросил несколько минут на сборы и вышел в туалет. Вернулся еще более окаменевший, но с живым огнем в глазах. Было похоже, что он собирается закрыть своей грудью амбразуру.

Они доехали до нужного адреса буквально за несколько минут. Крячко приказал водителю ждать его здесь и вместе с Дубневым вышел из машины.

Перед ними была типичная пятиэтажная хрущевка. Стены изрисованы шпаной, снег у подъезда никто не убирал.

– Какой подъезд? – обратился Крячко к Дубневу.

– Вон тот, – оторвавшись от своих мрачных дум, махнул рукой журналист.

Крячко приложил к домофону специальный универсальный ключ, замок щелкнул, и они прошли внутрь.

– Пятый этаж, – подсказал Дубнев, и Крячко, мысленно

чертыхаясь, стал подниматься по лестнице.

– У тебя ключ есть? – спросил он Дубнева.

– Не-ет, – немного растерянно отозвался тот и остановился.

– Ну чего замер-то? – недовольно повернулся к нему Крячко.

– У меня нет ключа, – повторил Антон, переминаясь с ноги на ногу.

– Ну и что?

– А как же мы попадем внутрь? – осторожно поинтересовался старший редактор.

В ответ на это Крячко лишь самодовольно хмыкнул.

– У меня есть телефон квартирной хозяйки Олега, – услужливо подсказал Дубнев. – Может быть, стоит ей позвонить? Ну, чтобы не портить замок?

Крячко снова хмыкнул, однако телефон взял. Набрав номер, он представился и коротко рассказал о случившемся. Женщина заахала и тут же пообещала немедленно приехать, умоляя Крячко не вскрывать замок подручными средствами. Крячко снисходительно согласился подождать и убрал телефон в карман.

– Во люди, а? – обратился он к Дубневу. – Человека убили, а они о своем имуществе беспокоятся! Чтобы дверь им не попортили!

Дубнев лишь повел плечами.

Крячко, чтобы попусту не терять времени в ожидании Татьяны Семеновны – так звали квартирную хозяйку – решил опросить соседей. Дубнев в этом деле сыщику был не нужен, и Станислав отправил его в машину. Собственно, свои обязанности проводника Дубнев уже выполнил, но Крячко не спешил его отпускать, просто из вредности.

На лестничной площадке располагались три квартиры соседей. Позвонив в одну из них, Крячко быстро понял – открывать некому. За дверью царила тишина. Другая квартира была примечательна новой металлической дверью и отсутствием звонка. Последнее обстоятельство несколько не смутило Станислава. Он принялся настойчиво колотить в дверь – гулкое металлическое эхо покатилося по подъезду.

Через минуту дверь открыли. Мужчина средних лет ошалело глядел на запыхавшегося Станислава.

– День добрый. Полковник Крячко, Главное управление МВД, – невозмутимо представился Стас, потирая кулак.

– А что случилось? – испуганно спросил мужчина.

– Я хотел бы поговорить с вами о вашем соседе. – Крячко кивком указал на квартиру, которую снимал Никонов.

– А что с ним? – искренне удивился мужчина. – Неужели закон нарушил?

– Да нет... Даже в каком-то смысле наоборот. Убили его, – с ходу сообщил Крячко, не особо церемонясь.

Мужчина еще больше оторопел, потом недоверчиво про-

изнес:

– Не может быть!

– Почему же? – удивился Крячко.

– Ну... он очень уединенно жил. Скромно.

– Давайте сначала, – попросил Крячко.

– Да вы проходите! – Мужчина отступил в глубь прихожей, приглашая Крячко войти. – Не разувайтесь, не разувайтесь! – замахал он руками, видя, что Станислав задержался на коврике.

Крячко прошел в комнату, оставляя на полу мокрые следы, присел на диван. Ни чаю, ни кофе ему не предложили, но он не расстроился: ехал Крячко в теплой машине, так что замерзнуть не успел, а завтрак был настолько плотный, что чувство голода должно было прийти не скоро.

– Вы откуда знаете Олега Никонова? – задал Станислав первый вопрос.

– Квартиру он здесь снимает, у Татьяны Семеновны, – ответил мужчина.

– А как давно?

– Да года три уж.

– Так. То есть вы его знаете только как соседа. – Крячко бросил внимательный взгляд на хозяина квартиры.

– Ну да, – пожал тот плечами. – А как еще?

– Вы так уверенно заявили, что его никто не мог убить...

– Но я сужу по образу жизни, который он вел! Парень спокойный, не агрессивный. Журналист вроде. Никаких пья-

нок или тусовок у него никогда не было, друзей-подруг тоже не водил. По крайней мере, я не видел. Здравовался обязательно, серьезный такой. И всегда очень занятой.

– Значит, друзей у него не было, – размышлял Крячко. – А девушка? Девушка была?

– Ну, если и была, то он меня с ней не знакомил, – улыбнулся сосед.

– Да-да, такой парень симпатичный, – кивал Крячко, в глаза не видевший Олега Никонова. – Как же без девушки! Значит, фамилии ее ты не знаешь?

– Да я и саму девушку не знаю! – поспешил сообщить сосед.

– Но видел?

– И не видел!

– Ладно, а как вы с ним общались? С Олегом?

– Да не общались мы практически! Так, жена пару раз у него что-то там одалживала – спички, что ли, – со мной он просто здоровался, вот и все. Друзьями нас точно назвать нельзя.

– И нигде не пересекались больше? Я в том смысле, что городок у вас небольшой, народу немного, может быть, какие-то общие знакомые образовались?

– Нет, никаких общих знакомых! Кроме, конечно, Татьяны Семеновны. Да и откуда им взяться? Он же приезжий, как я понял. В одних компаниях не бывали. Да мы и постарше будем лет на пятнадцать. Какие общие друзья? Больше

я ничем не могу вам помочь, увы, — развел руками сосед. — Но, конечно, мне очень жаль, что он умер.

— Да вы погодите, — остановил его Крячко, видя, что мужчина готов распрощаться. — Вас как зовут?

— Николай Максимович Борзин.

— Очень приятно! А я Станислав. Можно без отчества! — Крячко придвинулся к Борзину. — Коль, а ты когда Олега в последний раз видел? Можешь припомнить?

— Ну... — Борзин наморщил лоб. — Два дня назад где-то... Утром. Да, точно, пятнадцатого числа это было! В воскресенье.

— Ничего не путаешь? — сощурился Крячко. — Куда можно идти с утра в воскресенье? В выходной?

— Так это у вас в МВД по субботам-воскресеньям выходные, — усмехнулся Николай. — А у Олега ненормированный график был.

— У Олега — понятно, а тебя куда с утра понесло? Это я к тому, что, может, в пятницу это было? Или в понедельник?

— Да я в гараж как раз собирался. Машина у меня сломалась.

— Что ты говоришь! — с искренним сочувствием воскликнул Крячко. — И у меня такая же история! Ломается, зараза такая, и все тут! Особенно на морозе.

— Вот и у меня! — подхватил Борзин. — Глохнет — и все тут! Главное, заводится нормально, а стоит от дома отъехать — глохнет, и все!

Крячко тут же поведал, как на прошлой неделе ездил с тестем на авторынок покупать новую зимнюю резину.

– А у Олега с машиной как? Не ломалась? – спросил он в заключение своей истории.

– У Олега? – Борзин, увлекшийся рассказом Стаса, не сразу сообразил, о ком речь. – А, да у него и машины-то не было. Он пешком ходил. Он близорукий был сильно. И работа у него где-то тут в двух шагах.

– Да? Здорово! – порадовался Крячко. – Мне бы так! А ты, значит, у него на работе был?

– Да нет же! С какой стати? Что мне там делать? У них газета какая-то, типа редакции, что ли. А я – строитель. Мне туда незачем.

– Понял, понял, – кивал Крячко. – Так Олег, значит, утром куда-то шел в воскресенье?

– Ну да. Сумка у него спортивная в руках была. Я еще пошутил: на рыбалку, мол, что ли, собрался? А он мне: нет, в Москву.

– В Москву-у? – заинтересовался Крячко. – А зачем? Не сказал?

– Нет.

– Ну, по-соседски, может, перебросились парой фраз? – продолжал уговаривать Крячко.

Борзин закатил глаза:

– Говорил, кажется, что хочет там найти одного человека...

– Ага! – обрадовался Крячко. – Ну вот, а говоришь – не знаешь ничего! Человек вообще так устроен, что знает гораздо больше, чем думает. Это даже ученые установили. Я как раз недавно статью читал на эту тему.

Но пересказывать содержание статьи Крячко не стал, потому что, во-первых, читал не он, а Гуров, во-вторых, сам Крячко в научных терминах разбирался несильно, а в-третьих, ему уже пора было сворачивать разговор, поскольку, по его подсчетам, вот-вот должна была появиться Тамара Семеновна. Напоследок Станислав решил встряхнуть Борзину, как старую копилку. Он забросал его самыми разными вопросами: во что был одет Никонов, что нес в руках, в каком был настроении, когда обещал вернуться...

Под конец беседы измученный Борзин выглядел как сдувшийся шар. Крячко же, напротив, казался вполне довольным, хотя никаких особо важных сведений сосед Никонова ему не сообщил. Но Крячко уже сортировал в уме полученную информацию, отделяя нужное от ненужного по одному ему известному принципу. На прощание он крепко пожал руку Борзину и произнес:

– Хорошо, спасибо за сотрудничество.

И, выходя из квартиры, добавил:

– Если что, вас вызовут.

На лестничной клетке его уже ждала Татьяна Семеновна Сорокина. Совершенно обычная с виду женщина лет пятидесяти с хвостиком, она стояла возле двери, поджидая Кряч-

ко. Когда тот вышел от Борзина, соседка сразу шагнула навстречу и заговорила:

– Здравствуйте! Это вы мне звонили насчет Олега, да? Вы из полиции, да? Что случилось? Почему он сам не позвонил? Я набираю, набираю, а он не отвечает! И почему вы сказали, что мне нельзя без вас входить? Почему я не могу попасть в свою квартиру? Ее что, ограбили?

– Добрый день. – Крячко решил для начала остановить взволнованную речь Татьяны Семеновны. – Меня зовут Станислав Крячко, я оперуполномоченный по особо важным делам Главного управления МВД Москвы. Веду дело об убийстве Олега Никонова.

– Как об убийстве? – ахнула женщина и отступила назад. – Олега убили?

Она растерянно обернулась на дверь своей квартиры и ткнула в нее пальцем.

– Здесь?!

– Нет-нет, – успокоил ее Крячко. – В Москве.

– В Москве-е-е? – протянула Татьяна Семеновна, как показалось Крячко, с облегчением. – Господи! Ужас какой! А все Москва! Терпеть ее не могу! Такой город стал ужасный, просто кошмар! Я и не езжу туда совсем! И Олегу говорила: что тебе там делать? А он мне: работа такая!

– Ага, значит, Олег говорил вам, что собирается в Москву по работе? – тут же ухватил нить разговора Крячко. – А конкретнее можно узнать, зачем?

– Да нет, он не рассказывал подробно, а я не спрашивала. Статью, наверное, какую-нибудь писать. Он же журналист! Был... Господи! В голове не укладывается! Так жалко парня!

– Для вас это такая потеря? – спросил Крячко.

– Ну а как же? По-человечески-то не пожалеть! Молодой ведь совсем! У меня сын примерно того же возраста. Родителям теперь горе какое! Да и жилец он порядочный был, платил всегда вовремя, квартиру содержал в порядке, я ему полностью доверяла! Попробуй теперь найди такого! – вздохнула женщина с горечью.

Крячко надоело мерзнуть на лестнице:

– Татьяна Семеновна, давайте в квартиру пройдем. Мне ее еще осмотреть надо, да и разговаривать дома удобнее.

– Конечно, конечно! – засуетилась женщина, пытаясь попасть ключом в замочную скважину. – Нет, ну надо же, а? Кто бы мог подумать!

Не переставая сокрушаться, женщина переступила порог и сразу же начала осматривать квартиру хозяйским взглядом. Она собиралась пройти в комнату, но Крячко остановил ее.

– Минуточку, Татьяна Семеновна! Сначала я.

Женщина понимающе закивала:

– Да-да, конечно. В кино тоже так показывают – сперва полиция.

Крячко разулся – в квартире, где он собирался проводить осмотр, топтаться в обуви не стоило – и прошел внутрь. Та-

Татьяна Семеновна следовала за сыщиком по пятам, внимательно наблюдая за каждым его движением. Попутно она продолжала свои комментарии:

– Нет, прямо в голове не укладывается! Я думала, такое только в кино бывает. Фильмы детективные я иногда тоже смотрю, но там все по-другому, а вот как самой коснулось... Да-а-а... До сих пор не верится! Как его убили-то?

Крячко, не обращая внимания на хозяйку, изучал квартиру. На первый взгляд все было совершенно нормально. Никаких разбросанных в спешке вещей, никаких посторонних следов. Значит, Никонов собирался не спонтанно, его визит в Москву был запланированным. Это подтверждали показания соседа и самой хозяйки.

– Татьяна Семеновна, – повернулся к ней Крячко. – А когда вам Олег говорил о том, что собирается в Москву?

– Да с неделю назад. Я как раз за деньгами приезжала. Тогда он и сказал – мол, возможно, уедет ненадолго.

– Ага, возможно! То есть неделю назад он еще точно не был уверен, что поедет? – уточнил Крячко.

– Наверное, не был, – подумав, согласилась женщина.

– А что вы вообще о нем можете рассказать? Если можно, поподробнее, – попросил Крячко, проходя к окну, возле которого стоял письменный стол с компьютером.

Он нажал кнопку включения и, ожидая, пока компьютер загрузится, принялся выдвигать ящики стола, проверяя их содержимое.

– Ну что сказать... – продолжала тем временем Татьяна Семеновна. – Да я особо и не знаю его. Года три назад позвонил по объявлению, сказал – нужна квартира. Пришел, посмотрел, все ему понравилось. Оплатил за три месяца вперед, с оплатой всегда хорошо было. Я соседку попросила, чтобы она проследила, не водит ли кого, так она сказала, что он всегда один приходил. Ни друзей, ни подруг не водил. Дома спокойно было. Я пару раз приезжала проверить, так тут все аккуратно и всегда убрано. С оплатой тоже все хорошо, всегда в срок передавал деньги или переводил мне на карту. Я никогда по этому поводу не переживала.

– А о себе что сказал?

– Сказал, что из Пензы приехал, хочет здесь работать. В Москве-то дорого квартиру снимать, вот он в Москвореченске и обосновался. И действительно, вскоре работать начал. Журналистом, только каким-то особенным. Я его просила газету мне показать, а он смеется: у нас, говорит, тетя Тань, интернет-издание. Ну и пропадал в основном на работе своей.

– Неужели никаких друзей и знакомых у него не было? Молодой такой парень – и весь в работе?

– Да были, наверное. Как же не быть! Я же говорю, журналистом работал, там коллектив. Но я не знаю никого! Мне главное, чтобы в квартире порядок был и чтоб без посторонних. С этим у Олега все хорошо было. Соседи говорили, что он после работы в основном дома сидел, все пи-

сал что-то на компьютере. Из дома особо никуда и не выходил. Вообще очень спокойный, интеллигентный парень был. Не знаю даже, кому понадобилось его убивать.

– А что вы про его работу знаете? – спросил Крячко, выдвигая очередной ящик, перебирая и просматривая лежащие в нем бумаги. Проверять каждую из них тщательно он не считал нужным, знал, что просто сгребет всю эту макулатуру и увезет с собой в управление. А там пусть разбираются те, кто создан для бумажной работы. Станислав Крячко – не из их числа.

– Ну что про работу? – Татьяна Семеновна присела на стул и развела руками. – Чем журналисты занимаются? Статьи писал.

– А вы их читали?

– Ну, кое-что в Интернете, мне дочка показывала. Она лучше во всей этой технике разбирается.

– Дочка? – заинтересовался Крячко. – Она, значит, с Олегом общалась?

– Да нет, что вы! Просто в Интернете увидела его фамилию и меня позвала.

– Ну а девушки у него не было?

– Я никогда не видела его ни с кем. И сразу предупредила: встречайся с кем хочешь, только сюда никого не води! А то знаю я! Сегодня одна, завтра другая... А современные девицы какие? К хозяйству не приучены, грязь разведут да еще, не дай бог, сломают что-нибудь. У моей подружки

вон две квартирантки-студентки машинку стиральную сломали – и смылись. А новую покупать – это какво?

– И он ничего не рассказывал про свою девушку? – перебил ее Крячко, внезапно подумав, что зря так поспешно покинул редакцию интернет-газеты. Там была девушка. Не факт, что Никонов встречался с ней в неслужебное время, но побеседовать с барышней о личной жизни начальника не помешало бы. Девушки о личной жизни коллег осведомлены лучше. И Дубнева надо потрясти. Он там что-то говорил о том, что подруга у Никонова все-таки была. Пусть лучше о ней расскажет, чем о политике и взятках – об этом и без него известно. Хорошо, что он отправил Дубнева ждать его в полицейской машине. Лишний свидетель никогда лишним не бывает, в этом Станислав был убежден.

– ...соседка говорит, всегда один приходил. И у подружки он жить не мог, потому что зачем тогда ему квартиру снимать? – сделала логический вывод Татьяна Семеновна.

– И то верно. А в Москву вообще он часто ездил?

Татьяна Семеновна задумалась.

– Ездил иногда. Но нечасто. Примерно раза два-три в год.

Всегда предупреждал.

– А надолго ездил?

– Нет, на пару дней.

– А где он там останавливался? Не говорил? У приятелей, может быть, или в отеле?

– Скажете тоже! В отеле! – протянула Татьяна Семенов-

на. — Дешевле квартиру на сутки снять! Или домой вернуться ночевать. Олег, кстати, так и делал. Лучше, говорит, в электричке проеду пару часов, зато в своей постели засну.

Эти слова хозяйки заставили Крячко выпрямиться.

— А такое название — «Аркада» — вы никогда от него не слышали? — спросил он.

Татьяна Семеновна отрицательно покачала головой. Больше ничего существенного она не сообщила. Зачем конкретно Олег ехал в Москву, ей было неизвестно, он сообщил лишь, что не знает, когда вернется, планирует дня через три, но, возможно, задержится.

— И вы не спросили, где он там остановится? — недоверчиво посмотрел на нее Крячко.

— Да не успела я! — с явным сожалением призналась Со-рокина. — Мы же с ним по телефону разговаривали. А мне как раз соседка позвонила в дверь, я и отвлеклась. Договорились потом созвониться, когда Олег вернется. А он вот не вернулся. — Она вздохнула. — Выходит, последний это у нас разговор был...

От осознания этого факта женщина поежилась. Крячко задумчиво тер подбородок, размышляя над дальнейшими действиями. Копаться в компьютере Никонова он считал делом неблагодарным. Его пугало многообразие папок на «рабочем столе», в каждой из которых, в свою очередь, скрывалось множество других. Разбираться в этом хозяйстве у Станислава не было ни времени, ни желания. Поэтому он по-

ступил по-крячковски просто и радикально: отсоединил системный блок от монитора и набрал номер своего водителя:

– Саня, давай дуь наверх в тридцать первую квартиру. И Дубнева прихвати. Пригодится.

Водитель появился через минуту. За его спиной маячила долговязая фигура Дубнева. Крячко торжественно вручил им системник и приказал тащить его в машину.

Татьяна Семеновна вопросительно смотрела на полковника.

– Значит, так. Квартиру запирайте, я ее опечатаю, – распорядился Крячко.

– Как же так? Опечатаете? Значит, сюда никому входить нельзя? – забеспокоилась женщина.

– Совершенно верно, – кивнул Крячко, обуваясь в прихожей.

– А как же мне быть?

– А вам-то чего? Живите себе в своей квартире! А эта постоит пока закрытой.

Татьяна Семеновна подавила горестный вздох. Вместе с Крячко они вышли из квартиры, Станислав прилепил на дверь бумажку с круглой печатью.

– Вот так, – удовлетворенно произнес он и загрохотал ботинками по ступенькам.

– А на сколько хоть опечатали-то? – перегнувшись через перила, спросила Сорокина.

– До окончания следствия! – уже снизу отозвался Крячко

и поспешил на улицу к машине, где Дубнев с водителем Са-ней запихивали системный блок в багажник. Крячко развалился на сиденье. Пора было звонить Гурову.

– Лева! Здорово, здорово! – начал он. – Все прохлаждаешься, старый пижон? А чего я? Я зуб лечил! И, между прочим, вылечил! Кстати, я, в отличие от тебя, уже кучу дел успел переделать, да-да! В Москвореченск вот смотался. Поговорил, конечно! И с хозяйкой, и с коллегами. Да не знают они ни хрена! Как это – без толку? Сведения есть, и весьма важные! Нужно только суметь отделить их от всякой ерунды. Мне бы дополнительные свидетели не помешали, да... Так что ты покопайся у убитого в телефоне – может, найдешь, с кем он часто общался? Некого Дубнева можешь сразу исключить – он здесь, за моей спиной пыхтит.

– За твоей спиной пыхтит? – послышался насмешливый голос Гурова. – Чем это вы, интересно, занимаетесь?

– Ой, Лева, ну вот не надо, а? – поморщился Крячко. – В таких грязных намеках сразу и раскрывается твоя скрытая порочная натура! Ты лучше бы делом занимался!

– Так я уже занимаюсь. И в телефоне покопаться успел.

– Есть что? – насторожился Крячко.

– Есть несколько человек, с которыми Никонов действительно часто перезванивался.

– Ну, скидывай контакты.

– Всех? – уточнил педантичный Гуров.

– Да кидай всех, чтобы наверняка.

Отключив вызов, Станислав принялся ждать, когда Лев пришлет ему контакты из телефона погибшего Олега Никонова. Не прошло и двух минут, как трубка зажужжала и на экране появилось сообщение от Гурова. Станислав принялся методично обзванивать всех знакомых из списка контактов погибшего. По первому номеру он ответа не дождался.

По второму повезло больше: трубку сняли, но разговаривать не стали, сбросили звонок – видимо, решили, что кто-то представился полковником МВД в шутку. Злопамятный Крячко из вредности отметил этот номер, решив, что потом вызовет обидчика в управление повесткой.

Далее шли малознакомые Олегу личности, пересекаться с которыми ему приходилось по различным мелким, но не личным делам. Крячко уже начал расстраиваться, что не может найти друзей погибшего.

– Слышь, – повернулся он к Дубневу, который после загрузки системного блока отогревался в машине, дыша на покрасневшие пальцы. – У него вообще друзья были? Или он так и гнил в вашей редакции, тратя свою молодую жизнь на всякую хрень?

Дубнев надулся и не слишком дружелюбно произнес:

– В нашей редакции никто никого насильно не держит. И если Олег просиживал там допоздна, то только потому, что сам так хотел. Он вообще-то сам себе начальником был.

– Ладно, ладно, не пыхти, – примирительно проговорил

Крячко. – Ну раз вы с ним бок о бок работали, ты, наверное, знаешь, с кем он общался помимо офиса?

– Может, и знаю! – гордо произнес Дубнев. – Но вы ведете себя так, что мне не очень хочется делиться с вами информацией!

– Ах, вот как? – выкатил глаза Крячко. – Саня, заводи мотор! Поехали на Петровку! Там, уважаемый, ты поделишься информацией вне зависимости от того, хочется тебе или нет!

– Вы не имеете права, – возмутился Антон.

– Ага, сейчас! Не имею! Поехали!

Водитель завел машину.

– Хорошо, хорошо, – передумал Дубнев. – Зачем сразу угрожать? По-человечески спросить нельзя?

– Почему нельзя? Можно! Я и спрашиваю по-человечески.

Дубнев вздохнул и, отвернувшись к окну, проговорил так, словно сообщал государственную тайну:

– Он дружил с Виталием Косенковым.

– Кто такой, чем знаменит? – поинтересовался Крячко, ища в списке абонентов, присланном Гуровым, нужный контакт.

– Боюсь, что, кроме дружбы с Олегом, ничем, – усмехнулся Дубнев. – Я его и не знаю почти – так, видел пару раз. Он к нам в редакцию заходил.

Крячко уже нажимал на кнопки своего телефона. Ему ответили после первого же гудка. Мужчина не стал задавать

встречных вопросов, а просто подтвердил, что он действительно Виталий Косенков.

– Вы знакомы с Олегом Никоновым? – поинтересовался Крячко, продумывая предстоящий разговор.

– Да, знаком, – после небольшой паузы ответил собеседник. – А что такое?

– Мне нужно поговорить с вами насчет Олега в самое ближайшее время. Меня зовут Станислав Крячко, я из Главного управления МВД Москвы. Нам с вами необходимо встретиться как можно скорее.

– Хорошо, я буду свободен через полчаса. Приезжайте.

– Куда?

– На Тракторную.

Крячко повернулся к Дубневу:

– Тракторная – это где?

Судя по внезапно посерьезневшему лицу главного редактора, названная улица не была центральной и, похоже, не отличалась благообразием. Предупреждая возможные неудобства, Крячко обратился к Косенкову:

– Слушай, Виталь, а давай-ка ты подъезжай в центр. Там наберешь меня, я тебя дальше сориентирую.

– Ну... Хорошо. А что все-таки случилось?

– Ты подтягивайся, я тебе при встрече все и объясню.

– А вы точно из МВД? – поинтересовался Косенков.

– Блин, ну что мне тебе, отсканированное удостоверение отправить? – сострил Крячко.

– Хорошо, я подъеду, – сказал Косенков и отключился от разговора.

Станислав убрал трубку и почувствовал, что проголодался.

– Поехали, перекусим где-нибудь, – обратился он к водителю.

– А куда ехать-то? – растерялся тот. – Я здесь ничего не знаю.

Крячко снова напряг Дубнева:

– Слушай, тут поблизости есть какое-нибудь приличное кафе?

– Да, тут кулинария неподалеку. Очень вкусно готовят, – сообщил тот. – Мы в обед часто туда ходим.

– Показывай, – махнул рукой Крячко.

Когда они доехали до кулинарии, Станислав поймал вопросительный взгляд Дубнева, дескать, не пора ли его отпустить, но сделал вид, что ничего не заметил. Он имел к Антону еще один вопрос и потому предложил проследовать в кафе всем вместе.

– Я не голоден! – запротестовал Дубнев. Ему уже надоело таскаться за Крячко и выполнять его дурацкие поручения. – Меня ждет работа! А если я вам так нужен – присылайте повестку!

– Ладно, ладно! Не кипятись! Народ какой-то нервный стал, ей-богу! Ты мне вот что скажи: помнишь, ты про девушку Олега говорил? Кто она такая, как зовут?

– Зовут ее Катя, а больше я ничего не знаю.

– Как так? – недоверчиво покосился Крячко.

– Ну, с ней же встречался Олег, а не я.

– Но он о ней что-нибудь рассказывал?

– Нет. Он вообще был немногословным. Да и не принято у нас о личном говорить.

– Прямо конспиративная квартира какая-то, а не редакция! – не смог сдержать своего раздражения Крячко. – Ладно, иди! Но если понадобится, я тебя действительно повесткой вызову, будь готов.

– Всегда готов, – проворчал Дубнев, освобождая из тесного салона свою длинную нескладную фигуру. Через минуту Крячко наблюдал, как журналист, сутулясь, шагал по обледелой улице к зданию редакции.

Москвореченск по сравнению со столицей был довольно дешевым городом, и пообедать в нем было не затратно. Крячко с водителем перекусили в кулинарии, где действительно неплохо готовили.

Сыщик не спешил возвращаться в машину – в кафе было куда уютнее. К тому же у него очень кстати зазвонил телефон. На связи был Косенков. Крячко сообщил, что ждет его в кулинарии. Вскоре в дверях появился молодой человек лет под тридцать, одетый в модную светло-бежевую парку. Он оглядел зал и, заметив Крячко, махавшего ему рукой, направился к столику полковника.

– Так, Саня, быстренько дуй в машину и дожидайся там, –

спровадил Станислав водителя, а сам обернулся к Косенкову, который внимательно рассматривал столичного гостя.

– Это вы мне звонили?

– Так точно, я. – Крячко полез в карман за удостоверением.

Косенков внимательно изучил документ, сверил фото с оригиналом, и, судя по выражению лица, остался недоволен. И неудивительно: последний раз Станислав фотографировался на удостоверение лет пятнадцать назад, когда был значительно тоньше и моложе.

– Да я это, я, – успокоил его Крячко. – Просто не успел побриться. Ты на мелочи не отвлекайся, лучше послушай меня. Разговор у нас, сразу предупреждаю, будет не слишком приятный...

– У Олега неприятности? – насторожился Косенков.

– Еще какие, – досадливо крякнул Крячко. – Умер он, Виталь.

– Как – умер? – Круглое лицо Косенкова мгновенно вытянулось. – Почему? Он же молодой совсем.

– Помогли, – хмуро сообщил полковник.

– Убили?

Крячко молча кивнул. Косенков насупился, собираясь с мыслями.

– И... как это произошло? – спросил он.

– Найден в номере отеля мертвым. Отравлен. Яд находился в бутылке вина.

– Какой ужас! – Косенков, кажется, еще не до конца осознавал случившееся.

Дрожащей рукой он достал из пачки сигарету, закурил.

– Молодой человек, у нас не курят! – звонким голосом предупредила буфетчица.

Косенков поспешно раздавил сигарету каблуком. Крячко внимательно наблюдал за собеседником. Посидев несколько секунд недвижно, тот неожиданно воскликнул:

– А я говорил ему, чтобы он не ввязывался во всю эту ахинею!

– О чем речь? – осведомился Крячко и потянулся за записной книжкой, которой, кстати, пользовался крайне редко.

– Да он писал про мэра нашего москвореченского. Хотел разгромную статью сделать о разоблачении коррупции во власти. Я предупреждал, что это добром не кончится!

– Так-так-так-так-так, – мельничкой скороговоркой проговорил Крячко. – То есть ему угрожали?

Косенков осекся.

– Ну-у не то чтобы... – протянул он, но Крячко уже держал в ладонях выпорхнувшего «воробья»:

– Кто угрожал, когда, при каких обстоятельствах? – Стас наконец извлек из недр своей выдавшей виды куртки потрепанную записную книжку и огрызок карандаша. Делая вид, что собирается записывать, он смотрел прямо в глаза Косенкову.

– Нет, вы все слишком буквально поняли. – Собеседник пошел было на попятную, но Крячко вцепился в него мертвой хваткой.

В конце концов сыщику удалось вывести следующее: Никонов готовил материалы о правонарушениях в местной администрации, в том числе – обвинения против мэра Москвореченска Галактионова. Изначально было понятно, что затея опасная, о чем Косенков неоднократно предупреждал Никонова. Однако прямых угроз ни со стороны Галактионова, ни со стороны его подчиненных в адрес Никонова не поступало. За исключением одного странного случая, объяснить который Косенков затруднялся.

А дело было так. Однажды, вернувшись домой после работы, Никонов не смог открыть дверной замок. Как выяснилось впоследствии, замочная скважина была замазана клеем. Никонов вызвал слесаря, который довольно быстро привел замок в порядок. Больше замочную скважину не трогали, но зато облили клеем коврик у двери квартиры. Данный эпизод также обошелся малой кровью: Никонов лишь испачкал подошвы ботинок, которые после просто протер ацетоном, избежав таким образом серьезного для себя ущерба. Больше никаких неприятностей за последнее время с Никоновым не происходило.

– Когда это было? – спросил Крячко.

– В ноябре, – ответил Косенков. Станислав накорябал в блокноте «ноябрь» и поставил ему одному понятные по-

метки.

– А статью когда он начал писать?

– О Галактионове? – уточнил Косенков. – Примерно тогда же. Собственно, он не писать ее начал, а собирать материал.

– А он тебе его показывал?

– Нет. Хотя я хотел посмотреть. Но Олег говорил, что материал еще сырой.

– Так, а где он его хранил?

Виталий пожал плечами:

– Не знаю – на работе, наверное, где же еще?

– На работе, на работе, – постукивая пальцами по столу, задумчиво пробормотал Крячко. – На работе, брат, говорят, что все материалы он хранил дома!

– Ну, может, и дома, – не стал спорить Косенков.

– А кому-нибудь еще Олег рассказывал, что собирается писать про мэра?

– Не знаю, вряд ли. Зачем об этом кричать на всех углах? Ну, со мной поделился, как с другом. Коллеги наверняка были в курсе.

– А что, ситуация в вашем городе действительно такая удручающая? – полюбопытствовал Крячко. – В смысле, статья правдивая была?

– Ну вообще да, – серьезно кивнул Косенков. – Город в запущенном состоянии. Ну вы наверняка и сами это заметили. Одни дороги наши чего стоят!

– Это верно, – ухмыльнулся Крячко.

– Я-то в этом городе вырос, – продолжал Косенков. – Так вот, раньше лучше было, при прежнем мэре. А Галактионов вообще непонятно чем занимается. Он в Москве больше времени проводит, чем здесь.

– Вырос, говоришь? – переспросил Крячко. – А Олега откуда знаешь? Он ведь вроде приезжий?

– Ну и что? – пожал плечами Косенков. – Мы познакомились почти сразу же после его приезда и подружились.

– На почве работы? – уточнил Крячко.

– Да нет, просто пересеклись случайно на одной тусовке и начали общаться.

– А на какой почве?

– Да что вы с этой почвой! Как люди дружить начинают?

– Вообще-то я всегда считал, что их что-то объединяет, – сказал Крячко.

– Ну, если хотите, нас объединила любовь к рок-музыке, – сообщил Косенков. – Как оказалось, мы слушаем одни и те же группы. Вот на этом и сдружились. А дальше – ну, совпали просто. Характеры оказались подходящие.

– И какой же у Олега был характер? Как бы ты его описал?

– Ну, как... Очень спокойный. Это главное. С ним практически невозможно было поссориться.

– То есть человек неконфликтный. – Крячко сделал очередную пометку в своем блокноте.

– Абсолютно! И на провокации никакие не велся.

– А его кто-то провоцировал? – заинтересовался Крячко. Косенков усмехнулся.

– С такой профессией, как у него, провокаторы всегда найдутся, – уклончиво ответил он.

– А вот скажи, он свою статью писал ради славы или как? Ну, чтобы продвинуться по карьерной лестнице, в Москву, может, перебраться хотел?

– Ну, карьеру журналиста он, может, и хотел бы сделать. А разве это не естественно? Как говорится, плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Но статьи свои он писал честно. Если вы к тому, что он мог ради денег написать заказную статью – это не про него. Да и про мэра нашего всем все известно.

– Всем – это кому? – зацепился Крячко.

– Всем – это всем, – упрямо отрезал Косенков.

– Значит, никому, – сделал вывод Крячко. – Слова одни. Голословные обвинения. Ладно, посмотрим материалы – там видно будет. Значит, не заказ, говоришь?

– Нет. Олег был честным журналистом. И слава в том смысле, о каком вы говорите, его не интересовала. Он хотел продвинуться благодаря своим способностям, а не за счет заказных статей! А вот компаньон его... – Косенков осекся...

– Так, так! – подбодрил его Крячко. – И что же компаньон? Кто именно?

– Да есть там один у них... Придурок очкастый! – презрительно произнес Косенков. – Сам ноль без палочки, прима-

зался к Олегу, как рыба-прилипала!

– Это ты про Дубнева Антона? – Крячко был несколько удивлен подобной характеристикой.

– Ну да, про кого же еще! Он же жил за счет Олега, это его редакция, он сам ее поднял с нуля!

– Постой, что значит – жил за счет Олега? Он вообще-то там работает, – заметил Крячко.

– Да он не столько работает, сколько себе дорогу рассчитывает! Он же чокнутый, вы разве не знаете? Вы его видели вообще?

– Видел, – кивнул Крячко.

– Он же ненормальный! Фанатик! Все время какие-то бредовые идеи выдвигает! Вот уж кто точно славы хочет. Поверьте мне, если бы Олег остался жив – он бы его смел!

– Ну, этого теперь никто не узнает. А когда ты в последний раз видел Олега?

– Да пару недель назад, в бар ходили.

– А вообще вы с ним часто виделись?

– Да не то чтобы. Все работа, знаете, не до встреч.

– И что он говорил в тот день? О планах рассказывал?

– Нет, мы старались о делах не говорить. Наоборот, встретились, чтобы расслабиться.

– Он говорил, что в Москву собирается?

– Нет, не говорил. Но он периодически туда ездил, меня не всегда в известность ставил.

– Как так? Вы же друзья!

– Вот именно! А это дела служебные. Не по дружбе.

– А кроме тебя, у Олега друзья были?

– Я не знаю никого. Вроде нет. Он как приехал сюда, ни с кем, кроме меня, и не общался особо. Он вообще довольно замкнутый был. Да и некогда ему было.

– Ну а девушка у него была? – подмигнул Косенкову Крячко.

Косенков замялся.

– У них там работают две, – подсказал ему Крячко. – Симпатичные!

– Нет, на работе у Олега ничего не было, – покачал головой Косенков.

– Ну а не на работе?

– Нет.

– Что? – Крячко удивленно уставился на Косенкова. – Как это? Молодой, симпатичный – и один? Слушай, я ни за что в это не поверю! Ну, работа работой, а все же? Молодость – она своего требует! Вот я когда молодой был, тоже пахал как лошадь! Но по вечерам на свидание – это святое! Причем не в редакции работал, заметь, не штаны протирал! А тут... Гормоны-то играют!

Косенков старательно отводил глаза.

– Слу-ушай! – догадался Крячко и даже хлопнул себя по коленке. – Так вы с ним того, да? Понятно!

– Да что вам понятно? С ума сошли, что ли? Ничего такого между нами не было, мы оба нормальные!

– Ага, это, знаешь, сейчас тоже принято нормой считать, – с пониманием закивал Крячко. – На Западе даже вон браки однополые легализовали и нам эту туфту втюхивают – дескать, так и надо! Скоро натуралов ненормальными объявят! Так что ты не стесняйся.

– Да нечего мне стесняться! Говорю же, бред это!

– А как же без девушек?

Косенков подавил тяжелый вздох.

– Ладно. – Он внимательно посмотрел в глаза Крячко. – Была у него девушка. Но они полгода назад расстались.

– А чего так? Поссорились, что ли? Или она другого нашла?

– Да нет, там по-другому вышло...

– Слушай, хватит мяться, как девица нетронутая! – рассердился Крячко. – Не темни!

– Просто я не уверен, что имею право об этом рассказывать, – заявил Косенков.

– Это еще почему?

Виталий молчал.

– Ладно, я сам все выясню! Говори фамилию! – потребовал Крячко. – Я ведь все равно узнаю, только тогда огласка будет шире, на весь город.

– Екатерина Сорокованова ее зовут, – нехотя отозвался Косенков. – Вы из меня какого-то осведомителя делаете!

– Не осведомителя, – быстро записывая данные в блокнот, поправил его Крячко. – А свидетеля! Это, брат, разные ве-

щи! Где она сейчас?

Косенков помолчал, колеблясь. Потом негромко проговорил:

– Она в больнице... Из-за этого они и расстались.

* * *

Крячко быстро позвонил в Москву и сообщил, что возвращается в отдел с богатым уловом. И почти не соврал: у него в активе были беседы с важными фигурантами, людьми, близко знакомыми с Никоновым. А еще в багажнике лежал системный блок, в котором наверняка хранилась информация по работе Никонова. И это, если разобраться, было даже важнее, чем осмотр места происшествия, которым занимался Гуров. Так что из кафе Крячко выходил в приподнятом настроении.

– Заводи мотор, время не ждет! – скомандовал он, усаживаясь рядом с водителем, который в ожидании начальника уже успел задремать.

– Есть, шеф! – с оттенком юмора ответил лейтенант, но Станислав его даже не услышал. Он смотрел в окно.

Вообще Крячко не сильно любил городские пейзажи, да и сам Москвореченск ему не нравился, но сейчас вести пустой разговор с водителем полковнику не хотелось. Он добавил громкость автомагнитолы и погрузился в раздумья.

В целом Крячко был доволен собой. Столько дел сделал,

столько фактов собрал! И теперь предстояла дорога домой. Станиславу очень нравилось это чувство, когда, уставший, он возвращался к любимой семье и родному дивану.

Сегодня звонить Екатерине Сороковановой, бывшей де-вушке Олега Никонова, он не стал, решил отложить это дело до завтра. На то были свои причины, которые Крячко по приезде собирался изложить Гурову и Орлову. По дороге Станислав даже задремал и проснулся, когда машину подбросило на ухабе.

– Сколько до Москвы? – спросил он, протирая глаза.

– Чуть меньше часа.

Крячко кивнул и снова прикрыл глаза. Дорога предстояла долгая, к тому же подморозило, и водитель не спешил, ехал осторожно. Это немного смущало Станислава, ведь он хотел как можно скорее вернуться в Москву, отчитаться перед Орловым и... постараться уйти домой пораньше. Вообще за те дни, которые Крячко отлынивал от работы, он очень расслабился, и работать целый день ему казалось уже тяжело. Но куда деваться – как назло, именно сегодня был убит этот журналист Никонов.

Хотя стоп! Крячко вдруг открыл глаза и потер лоб. Почему, собственно, убит? Кто это установил? Яд в бокале – вдруг он сам отравился? Несчастный случай или самоубийство? Почему никто не отрабатывает эту версию? Самоубийство нужно отработать в первую очередь, прежде чем переходить к расследованию убийства!

Записки, судя по всему, не было. С ней было бы проще. Нет, проверку, конечно, все равно проводили бы. Но не столь тщательно. Ну, поехал бы Лева в отель, опросил постояльцев, администрацию, осмотрел номер – все как полагается. Но его, Станислава Крячко, никто не стал бы посылать в Москвореченск. Эта поездка имела бы смысл, если бы версия об убийстве вышла на первый план. Следовательно, она вышла. Почему? На основании каких фактов?

Ответа на этот вопрос Крячко не знал и решил выяснить у Гурова. Он полез в карман и, достав телефон, набрал номер своего друга. Однако у Льва было занято. Спустя несколько минут Крячко повторил попытку, но результат был тот же.

«Ладно, – подумал Станислав, убирая телефон. – Спрошу при встрече».

Глава 3

К вечеру того же дня, оказавшегося долгим и богатым на события – особенно для Крячко с его предыдущей зубодробильной ночью, – сыщики собрались в кабинете генерал-лейтенанта Орлова. Гуров держал на коленях папку, в которой – можно не сомневаться! – были аккуратно рассортированы по файлам отпечатанные и написанные от руки бумаги: протоколы осмотра места происшествия и допроса свидетелей, опись вещей погибшего...

У Крячко в руках не было ничего. Он сидел, скрестив их на животе, и имел благодушно-ленивый вид. Все сведения хранились в его голове. Единственным предметом, который мог хоть как-то сойти за официальный документ, была замусоленная записная книжка, но демонстрировать ее Станислав не спешил. Он точно знал, что Орлов в первую очередь будет слушать Гурова, и потому сидел спокойно и даже собирался немного вздремнуть под мерный доклад Льва. Все равно потом в кабинете Гуров перескажет ему основные моменты разговора.

– Ну что, Крячко, докладывай, что узнал! – В голосе Орлова угадывалась скрытая ехидца.

– А чего я-то? – заартачился Станислав, удивленный таким раскладом. – Меня на осмотре не было!

– Тебя и на работе с утра не было! – напомнил Орлов.

– Петр, вот что ты опять начинаешь? Я же уже все объяснил! И между прочим, успел смотаться в Москвореченск, опросить кучу народа и вернуться обратно! А ты меня все утром попрекаешь, хотя знаешь, что у меня уважительная причина! Нет, в следующий раз я точно больничный возьму на неделю, как и положено трудовому человеку! А то пашешь-пашешь – и никакой благодарности!

Выплеснув праведный гнев, Крячко сделал вид, что смертельно обиделся, и отвернулся к окну. Орлов лишь усмехнулся и поправил очки. Он очень хорошо знал непростой характер Стаса.

– Ладно. Лева, докладывай по осмотру, – махнул рукой генерал.

Гуров достал папку, вынул из нее первый файл с документами и принялся методично перечислять все, что ему удалось выяснить при осмотре места преступления. Орлов слушал внимательно, лишь иногда коротко кивая. Крячко делал вид, что его вообще нет в кабинете.

– ... Смерть наступила примерно около часа ночи, – сообщал Гуров. – Это предварительные данные, точнее эксперты скажут позже. По их предварительному мнению, причиной смерти явилось отравление. По записи в регистрационной книге удалось выяснить, что Никонов вернулся в отель около полуночи. При себе у него была спортивная сумка – ее обнаружили в номере. В сумке ничего особенного, всякие мелочи. Пока точно неизвестно, принес ли он отравленную

бутылку с собой в сумке или она уже была у него.

– А яд был именно в бутылке? – сдвинул брови Орлов.

– Да, – твердо сказал Гуров. – Это эксперты уже установили однозначно. Не исключено, что кто-то ему эту бутылку подсунил.

– Что за бутылка? – спросил Орлов.

Гуров назвал довольно дорогую марку испанского вина.

– В баре отеля такое вино не продается, – заключил он.

– А в Москвореченске такое вино продают? Крячко! – окрикнул подчиненного Орлов.

– А? Что? – Станислав, который уже начал клевать носом, встрепенулся. – Бутылка? Я этого не устанавливал! Я же не знал про нее! Надо будет сделать запрос.

– Вот и сделайте, – проворчал Орлов.

Крячко, радуясь, что так легко отделался, снова закрыл глаза. Гуров рассказал о том, что Никонов заселился в отель позавчера, что к нему никто не приходил, а сам он выходил пару раз, но никому не сообщал куда. Впрочем, его никто и не спрашивал.

– А ты пытался выяснить, куда выходил Никонов? – Орлов внимательно смотрел на Гурова. – Это же в первую очередь нужно установить! Зачем он приехал в Москву? С какой целью?

– Петр, ну ты слишком много хочешь за несколько часов, – посетовал Гуров. – Пытались, конечно, насколько это возможно. Но никто из бывших в отеле этого не знает. Опро-

сили возможных свидетелей: я послал оперов пробежаться по близлежащим заведениям – магазины, кафе и прочее – на предмет того, не узнает ли кто-нибудь Никонова по фото. Пока никаких сведений.

– А он на машине передвигался по Москве?

– В том-то и дело, что нет! Без машины он был. В Москву приехал электричкой.

– У него вообще нет машины! – подал голос Крячко, довольный своей осведомленностью. – Это выяснено с абсолютной точностью и достоверностью!

– А телефон? – обвел глазам подчиненных генерал-лейтенант.

– Что – телефон? Телефон, конечно, у него был.

– Ну! – с нажимом сказал Орлов. – Что по звонкам, эсэм-эскам? Кому он звонил? Последние вызовы проверяли?

– Последних вызовов немного. За прошедшие два дня – то есть за все время пребывания Никонова в Москве – их всего три. Первый – некоему Антону Дубневу...

– Это его зам по редакции, из Москвореченска, я с ним общался, – перебил Крячко.

– ...Второй звонок был в фирму по продаже компьютеров, – бросил на Стаса недовольный взгляд Гуров, он терпеть не мог, когда его перебивали. – Насчет третьего пока неизвестно. В контактах не значится, что за номер – непонятно. Технари его пробивают.

– Что-то маловато контактов, – удивленно заметил Ор-

лов. – Не на экскурсию же он в столицу приехал! Наверняка чтобы с кем-то встретиться.

Почти никуда не выходил, только вчера вечером. И не звонил никуда! Странно все это. Очень странно...

Орлов снял очки и принялся протирать их мягкой тряпочкой. Он всегда так делал, когда сталкивался с чем-то непонятным или неприятным. Водрузив их обратно на нос, генерал обратился к Крячко:

– Что говорят фигуранты из Москвореченска? Зачем Никонов поехал в Москву?

– Самое удивительное, что никто из них ничего конкретного не говорит! Все утверждают, что «поехал по делам», и никаких подробностей.

– Да уж, – проворчал Орлов. – Что же он в отеле-то торчал? Может, там с кем общался?

– Насколько мне известно, с постояльцами отеля Никонов не общался, – продолжал свой доклад Гуров.

– И все-таки, что у нас по версиям постояльцев отеля? – спросил Орлов и повысил голос: – Обращаюсь ко всем!

Крячко с видимым удовольствием пожал плечами – он этими делами не занимался, следовательно, сообщить ему было нечего, а значит, никаких претензий к нему не будет. Он вальяжно вытянул ноги и приготовился слушать, что скажет Гуров.

– В отеле, помимо Никонова, были заняты еще пять номеров. – Гуров достал из папки очередную бумагу. Он пе-

речислил имена и краткие характеристики всех, кто проживал в «Аркаде» на момент убийства. – Поляка Ольшевского, я считаю, из списка подозреваемых можно исключить. Он второй раз останавливается в этом отеле, с Никоновым никаких пересечений у него не было. Я отправил запрос в компанию, где он работает, скоро должен получить подтверждение, что он действительно направлен в Москву по служебным делам. Плюс характеристику – не сомневаюсь, что она будет положительная. Дальше. Пожилая дама из Питера. Я ее не видел и, честно говоря, не считаю нужным встречаться – заподозрить ее в отравлении Никонova – полный абсурд.

– Почему это? – разомкнул веки Крячко. – Отравление – как раз типично женский способ убийства!

– Ну, если на этом основании подозревать всех женщин, можно найти кого-нибудь более подходящего, – возразил Гуров.

– Например? – тут же оживился Орлов.

– Об этом чуть позже, – многозначительно кивнул Лев.

– И все-таки, Лева, ты напрасно сбрасываешь со счетов пожилую даму, – не отставал Крячко. – Пожилые дамы, в простонародье именуемые бабушками, народ очень наблюдательный и любопытный. Это ценнейшие свидетели! Быть не может, чтобы старушка чего-нибудь да не заметила. А ты с ней даже не пообщался!

– Думаю все же, это не тот случай, – покачал головой Гу-

ров. – Я узнавал, как дама проводила время, чем занималась. И вот что получается. По словам администратора, она ранняя пташка. Утром поднималась ни свет ни заря, выпивала кофе и отправлялась в город – прогулки, экскурсии и так далее. Это было еще до завтрака. Возвращалась поздно вечером, ужинала всегда в своем номере и ложилась спать. Все. То есть у нее просто не было физической возможности заметить что-то важное.

– И все же я бы с ней встретился! – упрямылся Крячко.

– Ну вот и встреться! – не сдержал раздражения Гуров. – Можешь на свидание пригласить! Она как раз тебе по возрасту подходит!

Крячко пробурчал что-то нечленораздельное о неумении работать со свидетелями и втянул голову в ворот растянутого серого свитера крупной вязки – подарка тещи двадцатипятилетней давности. Свитер, как и куртка, были любимыми вещами Станислава, и он охотно их носил, не обращая внимания на язвительные насмешки коллег и уговоры Орлова сменить гардероб. Станислав Крячко вообще тяжело расставался с любимыми вещами и, как мог, оттягивал этот момент.

– Ладно, давайте дальше, – велел Орлов.

Гуров рассказал также о командированном из Сибири, которого звали Михаил Гладков и с которым ему также не удалось пообщаться по причине отсутствия того в отеле.

– Дело же утром было, он уже на работу уехал, – пояснил

Лев. – Я ему вечером позвоню. Не хочу тратить время и просто так мотаться в отель.

– Лучше повесткой вызови, – посоветовал Крячко.

– Тоже можно, – согласился Гуров. – Ладно, не суть. Остается семья с мальчиком-инвалидом, которая приехала из Пензы.

– Что? – Крячко вдруг резко выпрямился на стуле. – Из Пензы?

– Ну да. Город такой, к юго-востоку от нас...

– Мне этот географический ликбез ни к чему! – сморщился Крячко. – Меня это вообще не волнует! Вы знаете, что Никонов родом из Пензы?

Судя по лицам Орлова и Гурова, они об этом не знали и сейчас впервые слышали от Крячко.

Гуров, немного поразмыслив, проговорил:

– Значит, появляется тема... Правда, весьма хрупкая и непонятная.

– Это интересно, но давай оставим на потом, – Орлов сделал жест рукой. – Ты говорил, заняты были пять номеров. Перечислил четверых. Кто пятый? Ты там что-то многозначительно бровями поигрывал, когда речь зашла о женском способе убийства. Давай колись, не томи!

– Как ты проницателен, Петр, – с улыбкой заметил Гуров. – Да, есть еще одна тема, и тоже интересная. Дело в том, что до моего приезда один из постояльцев, проживавших в отеле, замечу, инкогнито, поспешно съехал... Не буду пе-

рассказывать подробности, как я его вычислил, но личность установил.

– Так чего ж ты тянешь-то? С этого надо было начинать! – воскликнул Орлов.

– Извини, Петр, я привык начинать сначала и двигаться по порядку. К тому же ты сам просил описать картину осмотра и еще тряс меня по телефонным контактам.

– Ладно-ладно! – возмутился Орлов. – Не нуди! Кто он, этот инкогнито?

Крячко подался вперед. Ему тоже было любопытно.

– Это не он, а она, – сделал акцент Гуров. – Некая Людмила Абрашина. Проживала в отеле три дня до приезда Никонова, а с утра, узнав о его смерти, поспешно сбежала, наказав персоналу хранить ее визит в тайне. Кстати, директор усиленно это пытался делать.

– Откуда она? – спросил Орлов. – Зачем в Москву приехала? Что о ней вообще известно?

– Самое интересное, что она из Москвы, – ответил Гуров. – Наведывается периодически в «Аркаду», остается там на несколько дней. По ночам ее навещает молодой человек, личность которого пока установить не удалось.

– А почему она сбежала?

– Якобы убоялась гнева своего мужа, который отличается повышенной ревностью. Уважаемый, со слов директора отеля Полянского, человек. Вот от своего грозного мужа она там и скрывалась. Ну, или не от него. Во всяком случае, ди-

ректор с опаской упоминал его имя.

– Абрашин? – поморщился Орлов. – Из Москвы? А лет ей сколько?

– Я ее не видел, но думаю, между сорока и пятьюдесятью. Я пытался до нее дозвониться – выудил у Полянского номер ее телефона, – но он все время отключен. Видимо, она решительно настроена не общаться с представителями правоохранительных органов.

– Абрашин, Абрашин... – продолжал бормотать Орлов в задумчивости, не слушая Гурова. – Неужели Вова Бешеный?

– Ого! Это что же за джентльмен, судя по имени, благородного происхождения? – осведомился Крячко.

Орлов не ответил, подумал некоторое время, повернулся к компьютеру и набрал фамилию в поисковой строке.

– Вот, пожалуйста, я не ошибся! – торжествующе воскликнул он спустя полминуты.

Он повернул экран к Гурову и Крячко, и те увидели фотографию злобного мужчины лет тридцати. Хотя фото было цветным, угадывалось, что оно довольно старое, скорее всего, оцифрованное с бумажной фотографии.

– Родом из девяностых? – коротко спросил Гуров.

– Да, – почти радостно ответил Орлов. – Я с ним сталкивался один раз по некоему делу... Там он проходил свидетелем, но... все были уверены, что одним только свидетельством там не обошлось. Короче говоря, Владимир Абрашин,

или Вова Бешеный, ему тогда было около тридцати лет. Вел, так сказать, бизнес...

Орлов сделал красноречивую паузу, и полковники поняли, какого рода бизнесом он занимался.

– А как зовут нашу постоянлицу? – спросил он у Гурова.

– Людмила.

Генерал-лейтенант нажал кнопку на селекторном аппарате. Через полминуты на пороге кабинета появился капитан-референт. Орлов продиктовал ему фамилии и имена людей, о которых ему нужна была информация. Капитан кивнул и исчез. Отсутствовал он недолго – за это время оперативники только и успели, что выпить по чашке кофе, приготовленного секретаршей Верочкой.

Получив распечатку, Орлов удовлетворенно хмыкнул:

– Память старика не подвела. Действительно, это тот самый Владимир Абрашин, родом из девяностых. А Людмила Абрашина – его законная жена, причем, согласно документам, единственная и давнишняя.

– Надоели друг другу, вот она и шляется по всяким гостиницам, – буркнул Крячко. – Ты на рожу его посмотри! От такого кто хочешь сбежит!

– Что у тебя за манера обо всех судить по роже? – сделал недовольное лицо Орлов.

– А что, разве мое мнение не подтверждается его биографией? – язвительно спросил Крячко. Орлов быстро прекратил перепалку, зная, что пререкаться с Крячко – себе доро-

же.

– Ну что, Лев Иванович, ты продолжаешь работать по этой версии, – сказал генерал, чем вызвал довольную улыбку на лице Крячко. – Вот адрес, по которому зарегистрированы оба наших фигуранта. Судя по географии, это где-то на Новой Риге. Скорее всего, коттедж какой-нибудь. Ну, как обычно это бывает у элиты и приближенным к ней личностям.

– И это, к сожалению, не мы, – позволил себе съязвить Крячко. – Я, например, живу отнюдь не на Новой Риге. А ведь по должности и званию вполне мог бы. Взятки вот не беру и не крышую никого...

– Да, ведешь себя как нетипичный представитель системы МВД, – поддержал шутливый тон Гуров.

Орлов нахмурился. Он не одобрял подобных разговоров, тем более в здании главка. Гуров взглянул на генерала и сделал знак Крячко закруглиться с этой темой. Стас понял и поспешил заговорить о результатах своей поездки в Москвореченск.

– Значит, есть еще вот такая тема, – бодро начал он. – Никонов в Москвореченске, занимаясь журналистской деятельностью, готовил антикоррупционную статью. В частности, направлена она была против местного мэра.

– А кто у нас мэр? – спросил Орлов.

– Некто Галактионов Валерий Андреевич, – сообщил Крячко.

Орлов нахмурился.

– Галактионов, Галактионов, – проговорил он. – Нет, незнаком. Фамилию слышал, конечно, а лично – незнаком.

– А хотелось бы познакомиться, а, Петр? – подмигнул ему Крячко.

– Выспался, Станислав? – иронично спросил Орлов. – Склонность к шуткам появилась? Это только ты у нас способен заискивать перед вышестоящими!

– Я? – возмутился Крячко.

– Конечно! Кто у меня на днях выклянчивал премию к Новому году, обещая за это весь последующий год приходиться на пятнадцать минут раньше и готовить все отчеты самостоятельно? Думаешь, я купился на твои льстивые обещания?

– Я был не в себе, – пояснил, смутившись, Крячко. – У меня зуб болел. Иначе бы сроду такого не сказал!

– То есть премия тебе не нужна? – Орлов посмотрел на него поверх очков.

– Да я не об этом! – начал Крячко, но Орлов его уже не слушал.

– По поводу Галактионова, Лева, – сказал он Гурову. – Что думаешь делать?

– Ну, напролом переть не годится, учитывая должность человека, – покусывая губу, отозвался Гуров. Для него, так же как и для генерал-лейтенанта, упоминание о мэре было новостью. – Для начала соберем информацию. Жаль, что ты с ним незнаком. Поищу через Интернет, подтяну сво-

их агентов...

– Станислав, – обратился Орлов к Крячко. – Ты сам как думаешь? Всерьез Никонов взялся за этого мэра?

– Ну если верить словам очевидцев, то да. А очевидцев у нас трое: квартирная хозяйка – наименее осведомленный персонаж, приятель Никонова Виталий Косенков и его заместитель Дубнев. Последний больше других в теме. Он уверял, что это просто бомба. И я склонен с ним согласиться, потому что ничем другим Никонов не занимался и ни с какой другой стороны опасность ему не грозила. Обычный парень, обычная жизнь.

– Обычная жизнь... – повторил Орлов. – И необычная смерть.

– Кстати, тут вот еще что, – сказал Крячко. – Кое-какие события говорят о том, что Никонов действительно кому-то мешал.

И он рассказал об испорченной замочной скважине и коврике у двери Никонова.

– ...Только это как-то мелко, – заключил Станислав. – На предупреждения от главы городской администрации не похоже. Он бы еще ему под дверь нагадил!

Гуров фыркнул.

– Да уж! И это все угрозы?

– А я и не говорил, что ему угрожали, – парировал Крячко. – Просто перечислил факты. Я же не мог об этом умалчать! В данной ситуации важна любая мелочь, если учесть,

что единой версии случившегося у нас пока нет. Ведь нет? Можно сколько угодно разглагольствовать, но мы даже приблизительно не знаем, почему убили Никонова!

Повисла тишина. Гуров и Орлов молчали, оба внутренне были согласны с Крячко.

– А что, если как раз из Пензы ноги и растут? – произнес вдруг Орлов. – Эту версию тоже нельзя сбрасывать со счетов! Нужно сделать запрос, выяснить, не был ли Никонов знаком с этой семьей. Как их фамилия?

– Солодовы, – подсказал Гуров.

– Вот-вот. Дальше. Выяснить, чем вообще занимался Никонов в Пензе. Родителям сообщили о его смерти? Когда они придут?

– Не успели, – ответил Гуров. – Сегодня сообщим.

– С ними пообщаться обязательно! – подчеркнул Орлов. – Расспросить обо всех его делах, знакомых... Сопоставить с показаниями других постояльцев отеля! И разумеется, спросить про семью с мальчиком. Вдруг они знакомы?

– Не особо я в это верю, – поморщился Гуров. – Пустышка, скорее всего. Ну зачем этой семье, даже если они были знакомы с Никоновым в Пензе, его убивать? И потом, никто из персонала отеля не говорил, что они общались. А ведь если бы узнали друг друга, то разговорились бы обязательно.

– Все равно проверь, – отрезал Орлов. – Сколько лет я вас учил – не заикливайтесь на одной версии, проверяйте все!

– Тогда вот тебе еще одна версия... – глядя в глаза Орло-

ву, проговорил Крячко, доставая из кармана записную книжку: – Сорокованова Екатерина.

– Кто такая? – нахмурился Орлов.

– Девушка Никонова. Бывшая, – уточнил Крячко. – Они расстались около полугода назад. Девушка в настоящее время находится в больнице. И знаете, в какой? – Крячко обвел присутствующих хитрым взглядом и торжественно произнес: – В психиатрической.

Гуров с Орловым переглянулись.

– Стас, давай-ка поподробнее, – сказал генерал-лейтенант.

Крячко, готовясь к своему «выходу», поудобнее устроился на стуле. Закинул ногу на ногу и стал рассказывать:

– Олег Никонов познакомился с Екатериной Сороковановой на литературном вечере. Девушка понравилась начинающему журналисту – хрупкая, женственная. К тому же она искренне считала его талантливым и необычным, что ему особенно льстило. Одним словом, молодые люди начали встречаться. Отношения их были очень близкими, романтическими и практически безоблачными. Он дарил ей цветы, она смотрела ему в рот и боготворила. Так продолжалось около года. О женитьбе, правда, речи пока не шло, но вполне вероятно, ею бы дело и закончилось, если бы... – Крячко выдержал паузу. – Если бы не одно печальное обстоятельство. Около полугода назад с Екатериной стали происходить странные вещи. Олег поначалу списывал их на уста-

лость и расшатавшиеся по непонятной причине нервы своей возлюбленной. Но девушке становилось все хуже и хуже. Олег уже не скрывал своей тревоги и советовал Екатерине обратиться к врачу. Она поначалу отказывалась, пока в конце концов ситуация не зашла слишком далеко. В итоге Сорокованова оказалась в больнице.

Крячко закончил свой рассказ, в кабинете повисло молчание. Нарушил его генерал-лейтенант Орлов:

– И в какой она больнице?

– По словам приятеля Никонова Виталия Косенкова, отправили ее в Кащенко. Никонов ездил к ней, навещал, надеялся, что ситуация изменится. Но, судя по тому, что в последнее время перестал не только ездить, но и говорить об этом, надежды на улучшение не было.

– А что за диагноз ей поставили? – спросил Гуров.

– Этого я не знаю, не знает и Косенков. Никонов ему не рассказывал.

– То есть сейчас Екатерина в больнице? – уточнил Орлов.

– Судя по всему, да. Но это нужно, конечно, проверить.

– Так чего ты сидишь? – всплеснул руками Орлов. – Проверь!

– Я вообще-то на доклад явился, – напомнил Крячко. – По твоему же требованию! Вот закончим, и поеду проверять.

– Ты не слишком тут язык распускай! – прикрикнул Орлов. – Давай поднимайся и езжай. Все, совещание окончено!

Оба сыщика поднялись со своих мест.

– То есть мне к Абрашиным? – спросил любивший точность Гуров.

– Для начала – да. Потом к человеку, которому звонил Никонов в Москве.

– Если удастся установить, кто он такой, – подчеркнул Гуров.

– Постарайся установить! Все, отправляйтесь, – распорядился Орлов.

Гуров и Крячко вышли из кабинета генерал-лейтенанта, но разошлись не сразу. Им хотелось обсудить текущие дела вдвоем.

– Стас, а ты осмотр рабочего места Никонова проводил? – задумчиво поинтересовался Гуров.

– А как же! Весь его стол перетряс! И дома тоже. Там у него компьютер стоял, так я его взял, экспертам нашим передал, они сейчас информацию шуруют. Я звонил им, говорят – ничего интересного.

– То есть результаты готовы?

Вместо ответа Крячко достал телефон и набрал номер технического отдела.

– Говорят, результаты переданы дежурному.

– Так, давай бери их и тащи к нам, – поторопил напарника Гуров и двинулся в направлении кабинета.

– Ага, щас! – ухмыльнулся, топая следом, Крячко и вновь достал телефон.

– Алло! Дежурный? Полковник Крячко. Там для меня ма-

териалы должны быть. Чтоб через полминуты у меня на столе лежали!

Едва Гуров и Крячко вошли к себе в кабинет, как на пороге появился дежурный со стопкой документов. Это были распечатки файлов с компьютера Никонова. Гуров, зная отношение Крячко ко всякого рода бумагам, стал просматривать их сам. Крячко хотел было взять один листок, но Гуров его остановил:

– Не надо, я сам. Ты сейчас глазами пробежишь, ничего не поймешь и скажешь, что ничего важного тут нет.

– А можно подумать, есть! – хмыкнул Крячко и пошел за своей стол.

Там он демонстративно налил себе чаю и развалился на стуле. Прихлебывая душистый напиток, Стас внимательно следил за Гуровым. Тот с серьезным видом просмотрел листы, отложил их в сторону и поднялся.

– Поехали. Стас! – сказал он.

– Куда? – удивился Крячко. – Неужто убийцу брать?

– Погоди, с этим пока рано.

– Жаль! А я-то уж думал, что наш гений сыска, едва бросив взгляд на несколько листочков текста, мастерски вычислил главного злодея! – с притворным восхищением произнес Крячко.

– Поехали, Стас! – повторил Гуров, не обращая внимания на сарказм товарища.

– Позвольте узнать, куда, товарищ начальник? – загляды-

вая в глаза Гурову, спросил Крячко.

– Как куда? Я к Абрашиным, а ты – в психушку. Как Петр велел.

– Велел! Чай допить не дадут!

Крячко отодвинул чашку и засеменял к двери. Обогнав Гурова, он снял с вешалки пальто и услужливо распахнул его перед напарником:

– Извольте поухаживать, господин полковник! Ручку вот сюда пожалуйста!

Гуров с усмешкой покачал головой и просунул руки в рукава пальто. А Крячко уже распахивал перед Гуровым дверь, склоняясь в угодливом поклоне.

– После вас, после вас! – приговаривал он.

– Кабинет запереть не забудь! – бросил ему Гуров.

– Как можно-с!

Крячко запер дверь и бросился вслед за Гуровым, который уже спускался по лестнице. Он собирался продолжить свои клоунские миниатюры, но Гуров с самым серьезным видом сказал:

– Хватит кривляться, Стас. Думать мешаешь.

– О чем, интересно? – хмыкнул Крячко. – Пока думать не о чем!

Гуров в молчании проследовал к выходу и уже на улице, направляясь к своей машине, обернулся:

– Есть о чем: где материалы статьи про мэра, которую готовил Никонов?

Глава 4

Как и предполагал Орлов, местом жительства супругов Абрашиных был коттедж в одном из подмосковных поселков, расположенных вдоль Новорижского шоссе, в просторечье именуемого Новой Ригой. В поселке было тихо, под пасмурным небом стояла унылая декабрьская тишина, нарушаемая лишь карканьем ворон. Как и полагается, жилище таких персонажей, как Абрашины, было надежно укрыто от чужих глаз за высоким забором. Видна была только кромка крыши двухэтажного дома.

На настойчивые звонки Гурова обитатели дома откликнулись минут через пятнадцать. Ворота открыл мужчина лет тридцати, одетый в черный пиджак, черные брюки и черные ботинки. Это был типичный охранник, которых в современной России было великое множество.

Гуров развернул перед ним удостоверение сотрудника МВД.

– Мне нужна Людмила Абрашина, – сказал полковник.

Охранник мрачно посмотрел на удостоверение, боковым зрением проверил автомобиль, на котором приехал Гуров, чтобы убедиться, нет ли с полковником кого-то еще. Заодно просканировал взглядом улицу, на которой стоял коттедж, не прячется ли неподалеку микроавтобус, набитый бойцами ОМОНа. Все было чисто.

– Ее, к сожалению, нет дома, – очень вежливо ответил охранник.

Гуров тут же протянул охраннику заготовленную заранее бумажку с номером своего мобильного телефона.

– Пусть позвонит по этому телефону полковнику Гурову. Это в ее же интересах, – многозначительно сказал полковник.

Охранник кивнул, взял бумажку и, считая разговор законченным, закрыл калитку.

Гуров сел в машину и двинулся на выезд из коттеджного поселка. Завернув за угол, сыщик остановился и достал телефон. Надо было вызвать оперативную группу, которая должна будет взять под контроль особняк Абрашиных. Лев не поверил охраннику, хозяйка наверняка была дома.

Эти догадки подтвердились через два часа, когда Гуров был уже в главке. Оперативники сообщали, что из особняка в сторону Москвы выехала красная машина, за рулем которой сидела женщина. Ее, разумеется, «повели». Гуров, получив сообщение, выехал навстречу незнакомке. Через полчаса он встретился с той, которую искал.

Красная машина свернула с Хорошевского шоссе на одну из боковых улиц. Здесь, у скромной пятиэтажки, на которой красовались вывески парикмахерской и солярия, ее и перехватил Гуров. Он преградил Абрашиной дорогу, когда она намеревалась пройти в парикмахерскую. Перед ним стояла женщина лет сорока пяти, усердно молодящаяся, с яркими

рыжими волосами.

– Здравствуйте, Людмила, – сказал он. – Позвольте узнать, почему вы от меня бегаєте?

Абрашина кинула на него испуганный взгляд, но тут же взяла себя в руки. В ее глазах читалось презрение и недоверие.

– Я с незнакомыми мужчинами на улице не разговариваю, – произнесла она.

– Не хотите на улице – поехали на Петровку, тридцать восемь, – тут же ответил полковник. – А что незнакомый – так это легко исправить. Тем более что о существовании полковника Гурова вы узнали где-то два часа назад, когда я приехал к вам домой, а вы не захотели меня принять.

– В чем дело? – раздраженно спросила Абрашина.

– Дело в вашем пребывании в отеле «Аркада» несколько дней назад.

– Что? В каком еще отеле? Это неправда! Вы меня с кем-то путаете! – быстро проговорила Абрашина, безуспешно пытаясь обойти полковника и прорваться к спасительной двери.

– Нет, я ничего не путаю, и вы это хорошо знаете, – настаивал на своем Гуров. – Послушайте. Неужели вы думаете, что это сработает? Что вам достаточно просто сказать «нет, я там не была», как я сразу поверю вам на слово, извинюсь и отпущу с миром? Вы же знаете, что я прав. Или будем устраивать канитель с опознанием? Сейчас поедем в отель,

я соберу персонал, постояльцев, начну задавать вопросы: знаете ли вы эту женщину, видели ли в отеле? И все подтвердят, что знают и видели. А вы будете стоять и краснеть...

Абрашина вздрогнула. Видимо, ей в подробностях представилась эта крайне неприятная картина. Людмила уже не пыталась проскочить мимо полковника.

– Ну и что?! Что?! Я ведь не убивала этого несчастного! – почти выкрикнула она.

– Может быть, вы знаете, кто это сделал? Почему вы тогда от меня бегаєте?

Людмила вздохнула и замолчала. Гуров осторожно взял ее под локоть.

– Давайте пройдем в мою машину, и там вы мне все обстоятельно расскажете.

– А... Там можно курить? – неожиданно спросила Абрашина.

– Вообще нельзя, – серьезно ответил Гуров. – Но вам можно, – так же серьезно добавил он.

Людмила уселась на пассажирское сиденье гуровского автомобиля, достала из сумочки и закурила тонкую ароматную сигарету. Через несколько затяжек она наконец заговорила:

– Я боюсь не вас... Я боюсь своего мужа.

– Владимира Абрашина, фигуранта нескольких уголовных дел в начале нулевых годов? – уточнил полковник.

– Да, – кивнула Людмила. – Я, правда, точно не знаю, какие это уголовные дела, я не имею к этому отношения...

– Разумеется, – тут же согласился Гуров. – А почему вы боитесь его?

– Потому что он страшный человек.

Ответ Людмилы был настолько банален, что Гуров не выдержал и рассмеялся.

– Вы с ним живете недавно и поняли это только что? – спросил полковник, хотя знал правильный ответ.

– Нет, я живу с ним очень давно и поняла это почти тридцать лет назад, – ответила Людмила. – Мы с ним учились в одной школе. Он на меня обратил внимание в восьмом классе, после чего стал вытворять всякие глупости. Он всегда был очень дерзким и, я бы даже сказала, безбашенным... Потом я все-таки вышла за него замуж. А там начались девяностые годы. – Она вздохнула и усмехнулась. – Он начал зарабатывать деньги, это у него получалось лучше других. Занимался каким-то бизнесом, я старалась не вникать в его дела... Но денег было действительно много, мы их практически не считали.

Гуров кивал, мысленно представляя людей, которые в то же самое время считали каждую копейку.

– Но все закончилось в один момент. Я не знаю, что там произошло, но к нам в дом вломились бандиты. Мужу пришлось отстреливаться. У нас в доме постоянно было оружие – и охотничье, и пистолеты... Короче, это нападение он кое-как отразил, а на следующий день мы собрались и уехали. Уехали сначала на Украину, а потом вообще за грани-

цу. Бизнес потеряли, но кое-какие деньги были, на них мы и жили. Потом, когда перестреляли тех, кто хотел убить нас, мы вернулись... Надо сказать, Вова довольно быстро все восстановил, снова занялся бизнесом, теперь уже не криминальным. Я говорила, у него этого не отнять.

– Так в чем же его страшнота? – несколько насмешливо поинтересовался Гуров, возвращая Абрашину к началу беседы.

Женщина затушила сигарету.

– Я говорила, что он безбашенный. И несмотря на то, что он уже немолод – ему сорок семь лет, – это качество никуда не делось. Он вообще такой... – она поиграла руками в воздухе, – авторитарный.

– Угнетает вас? – уточнил Гуров.

– Да, угнетает, – призналась Людмила. – И вообще... Стены этого дома сильно на меня давят. Нашего с ним дома, я его имею в виду.

– Значит, в этом отеле вы отдыхали от мужа?

– А куда мне еще деваться? – развела руками Людмила. – Есть еще мамина квартира, но там мама, и туда мне совсем неудобно.

– А дети у вас есть? – спросил Гуров.

– Есть сын, студент. Но он не в России.

– А где?

– В Англии, – не то с гордостью, не то с жалостью ответила Людмила.

– Ах, ну да, как же я не догадался! – воскликнул Гуров. – Вы же у нас считаетесь российской элитой, а где же учиться ее отпрыскам, если не в Англии.

– Нет, это не Кембридж и не Оксфорд! – почему-то сразу начала оправдываться Абрашина. – Всего лишь колледж в пригороде Лондона, не очень престижный. Впрочем, куда смогли, туда и пристроили.

– Значит, вы отдыхали в отеле от мужа. – Полковник направил разговор в прежнее русло.

– Да.

– И как только узнали, что в соседнем номере произошло убийство, сразу же решили съехать.

– Конечно! – эмоционально воскликнула Людмила. – Ведь если будет разбирательство, всплывет и моя фамилия. А это может стать известно мужу, и тогда... Ох, тогда!

– Ну, мужа в этом случае можно понять. – В глазах Гурова мелькнул огонек.

– В каком смысле? – испуганно спросила Абрашина.

– Ну как же – отдыхали вы от мужа не одна. С вами был молодой человек. Вот к его личности нам бы плавно и перейти...

Абрашина часто-часто замотала головой – это означало отказ от подобного разговора.

– Не бойтесь, Людмила Васильевна, – подбодрил ее Гуров. – А то так хорошо начали, давайте уж хорошо и закончим. Скажем всю правду и покончим со всем разом. Что ка-

сается вашего мужа, то он об этом не узнает. Во всяком случае, от нас.

Людмила достала из пачки еще одну сигарету.

– Вова стал совершенно невыносим где-то полтора года назад, когда наш сын уехал в Англию. Сам пропадает черт знает где, а меня ревнует к каждому столбу. А уж когда выпьет – совершенно башню сносит. Короче говоря, я не могла больше так жить. Я же еще молодая женщина, понимаете? Мне тоже хочется любви и понимания! – Она посмотрела на Гурова, надеясь увидеть в его глазах поддержку и понимание.

– И вы нашли его в лице этого молодого человека, – кивнул Гуров. – Кстати. Кто он такой? Я ведь все равно узнаю. Пожалейте мое время.

– Но Леня тут совершенно ни при чем!

– Итак, его зовут Леня, – записал Гуров. – А фамилия?

– Кораблев, – нехотя сказала она.

– То есть в отеле вы селились для тайных встреч с ним?

– А где нам еще было встречаться! – раздраженно сказала Людмила.

Гуров ничего не ответил. Ситуация была вполне распространенной: богатая, не первой молодости дамочка и молодой бедный, но отнюдь не гордый человек, не гнушающийся ее подаяниями. В том, что все было примерно так, полковник не сомневался.

– Значит, прошедшую ночь Леонид провел с вами в оте-

ле? – уточнил он.

– Не совсем, – поправила его Людмила. – Он пришел вечером, мы немного посидели, выпили... Потом... – Она смутилась.

– «Потом» мне неинтересно. Когда он ушел от вас?

По словам Абрашиной, молодой содержанец Леня Кораблев покинул отель ночью, примерно в три часа. После чего усталая Людмила уснула, но вдоволь поспать ей не удалось – около девяти часов ее разбудил настойчивый стук в дверь. На пороге возник предупредительный директор отеля Владимир Игоревич Полянский.

– Людмила Васильевна! – приложив руки к груди, озабоченно произнес он. – Я безмерно извиняюсь, что потревожил вас, но у нас непредвиденные обстоятельства. Непредвиденные! – подняв палец вверх, убедительно повторил он. – В соседнем номере произошло ЧП.

– Что случилось? – испуганно воскликнула Людмила.

– Не стану вдаваться в подробности, но один из наших жильцов обнаружен мертвым. Мы вынуждены сообщить в полицию. Как человек, уважающий статус своих клиентов, я предупреждаю вас об этом. Думаю, что вам было бы крайне нежелательно обнаруживать здесь свое присутствие. О, можете не беспокоиться! С нашей стороны все будет в полнейшем порядке, в полнейшем! Ваше имя в книге регистраций не значится, я, со своей стороны, буду хранить молчание.

– Да-да-да! – замотала головой ошарашенная Людмила. – Я все поняла, я сейчас же уеду! Спасибо вам огромное, Владимир Игоревич. Вот, примите эту скромную компенсацию за хлопоты. – Она сунула Полянскому несколько купюр, которые тот принял с самым довольным видом...

– И вы тут же уехали? – спросил Гуров.

– Разумеется. Зачем мне нужны лишние проблемы? Понятно, что никакой связи с этим убитым ни у меня, ни у Лени не было и быть не могло, но все равно... Вы поймите меня – я жила в этом отеле тайно, а разбирательство – это же постоянные вызовы, допросы...

– Ну, вы сбежали из отеля, а разговоров и допросов избежать не получилось – вот они, в моей машине, – возразил Гуров. – Какая же разница?!

– По крайней мере, мы здесь с вами вдвоем, – парировала Абрашина, – а так были бы постояльцы, там мне пришлось бы говорить при посторонних. Для меня – чем меньше людей, тем лучше. Я представляю себе, что бы сделал мой муж, если вдруг обо всем этом узнал?! Он убил бы меня, да и вас тоже.

Гуров усмехнулся. Он совсем не разделял предположения Абрашиной...

– Где вы познакомились с Кораблевым? – спросил он.

На лице Людмилы появилась улыбка.

– Мы познакомились случайно. Впрочем, я думаю, что в жизни не бывает ничего случайного. Меня тогда Во-

ва совершенно вывел из себя. У него был какой-то приступ, он приехал злой как собака, цеплялся ко всему подряд. Сказал, что я трачу его деньги не пойми на что. Потом грозился поехать к моей матери и вызнать у нее, кто мой любовник. Никакого любовника у меня тогда не было. Потом принялся звонить сыну в Англию, а тот не брал трубку – у него был отключен телефон. Это тоже его взбесило... Тут ему позвонил кто-то по бизнесу, там тоже были какие-то неприятности – муж совсем впал в депрессию.

– Короче говоря, вашего мужа посетил приступ злобно-тоскливого настроения? – насмешливо констатировал Гуров.

– Да, совершенно верно, – закивала головой Людмила, не обращая внимания на иронию. – Именно так, как вы сказали. И эта его злобная тоска была невыносима. Я сказала, что поеду переночую у матери. Он сначала запротестовал – мол, едешь к любовнику... А потом ушел в свою комнату, там еще матерился сквозь зубы – я слышала. Ну, я окончательно решила поехать. Сначала вообще без цели – к матери я на самом деле совсем не хотела ехать. Позвонила подруге – у нее были свои проблемы, она отказалась со мной встречаться. Так я и оказалась в том самом баре у метро. Зашла, решила выпить – думала, потом, если что, такси вызову. А Леня как раз барменом там был. Я уж не помню, кто первый заговорил. О том о сем, о фильме каком-то – там у них телевизор был. Я спросила, как ему его работа. Он сказал,

что работа нормальная, только немного надоела – хочется самому бизнесом заняться. Только денег у него на это нет.

Гуров снова усмехнулся. Заметив это, Абрашина тут же принялась оправдывать своего друга:

– Я понимаю – вы сейчас будете говорить, что он со мной связался из-за денег. На самом деле он не такой.

– А какой?

– Другой, – ответила Людмила. – Я вот, например, подарила ему машину – эту самую, красную, на которой сейчас приехала. А он мне вернул ее через неделю – сказал, что не может принять такой дорогой подарок.

Гуров усмехнулся. Эта красная машина, конечно, была дорогим подарком, но для мужчины явно не подходила. Это была типично гламурная женская машина – не удивительно, что этот самый Леня от нее отказался.

– Говорил, что чувствует себя альфонсом, – продолжала Абрашина. – А по сути, ведь это же я его соблазнила. Выпила чуть больше обычного. Потом хотела вызвать такси, но он предложил отвезти меня сам.

– На своей машине? – спросил Гуров.

– Да, у него была какая-то там «девятка», – махнула рукой Людмила. – Но я сказала – садись в мою машину, и поехали. А поехали мы не домой, а в отель «Аркада». Владимир Игоревич – мой старый знакомый, еще с юности. Он все понял, предоставил номер.

– И вы стали встречаться...

– Да, мы стали встречаться. Леня мне дарил цветы, был таким внимательным и учтивым. Совсем не то что мой муж... – с горечью добавила она.

– Когда это было? Сколько времени вашим отношением? – поинтересовался полковник.

– Это было в начале весны, в марте, кажется. То есть где-то почти год.

– Ну что ж, это срок, – вздохнул Гуров. – А теперь скажите, Людмила, а где мне можно найти этого вашего Леню?

– А зачем он вам нужен? – встревожилась Абрашина. – Ведь он не имеет никакого отношения к тому, что произошло в «Аркаде»!

– Это мы выясним, – спокойно ответил Гуров.

– Давайте я вам еще раз расскажу, как было дело. Леня приехал в гостиницу вечером, около семи. Мы с ним поужинали, поговорили, потом... – Абрашина снова замялась.

– Ну, понятно, понятно, – махнул рукой Гуров. – Продолжайте.

– У него сейчас как раз сложный этап – новый бизнес.

– Как интересно! И что же это за бизнес?

– Он не хочет, чтобы я в этом участвовала, поэтому ничего не говорит об этом...

– То есть вы не знаете, чем он занимается?

– Что-то связанное с торговлей – кажется, торговый центр или что-то в этом роде, – неопределенно ответила Абрашина. – Он говорит, что будет заниматься бизнесом только сам

и чтобы я в эти дела не лезла.

– У него появились большие деньги? – невозмутимо спросил Гуров.

– То есть? – не поняла Людмила.

– Вы говорили, что когда с ним познакомились, то на бизнес у него средств не было. А сейчас появились?

– Ну да, появились. Я ему дала, – простодушно сказала Абрашина.

– И не потребовали отчета? – удивился Гуров.

Чем дальше они разговаривали, тем больше Гуров понимал, что удивляться тут особо нечему. Людмила, вошедшая в возраст «бабы-ягодки опять» совершенно неадекватно воспринимала обстоятельства, связанные со своим молодым бойфрендом, свалившимся на ее голову в тот самый вечер в баре у метро. До такого состояния женщину довел роковой брак с умеющим делать деньги, но при этом весьма агрессивным мужем. И то и другое Гуров, в соответствии с популярной когда-то песней, «видел не раз».

Но эта история с «доведенной до отчаяния» выходками мужа женщиной и появившимся на этом фоне молодым альфонсом несколько возмутила полковника. Может быть, потому, что в глубине души он желал видеть в людях только хорошее. Но люди почему-то все чаще разочаровывали Гурова...

– Вы понимаете, нынешняя молодежь очень инфантильная, – продолжала Абрашина. – Они привыкли исключитель-

но потреблять. А Леня – он не такой, он стремится что-то заработать сам. Он что-то ищет, думает, прикидывает: а что, если этим заняться, а что, если это попробовать? Другое дело, что без поддержки сейчас тяжело, все теплые места давно заняты. Это не девяностые годы, когда ничего не было. Вова мой – он же на пустом месте начинал! А сейчас другое время. Если у тебя изначально денег нет – все, пиши пропало. Да еще все кому не лень вставляют палки в колеса. Леня мне несколько раз жаловался, что бизнес трудно идет, нужно там взятку дать, здесь взятку дать. Менты...

– Безобразие! – притворно покачал головой Гуров. – Менты приходили, вымогали взятки?

– А вы думаете?! – воскликнула Абрашина, потянувшись за новой сигаретой. – Я не хочу сказать, что это вы или там ваше ведомство... Я не знаю – вы ведь уголовный розыск, а там участковые, что ли, приходили или какие-то из местного отдела...

– Хорошо, давайте вернемся к событиям того самого дня, ночи и утра в «Аркаде», – предложил Гуров. – Итак, вы были в номере и никуда не выходили до вечера.

– Да, совершенно верно. Вечером я заказала ужин, вино... Мы посидели, выпили.

– Никуда не выходили?

– Нет, – покачала головой Абрашина. – А зачем нам куда-то выходить? Я вообще старалась, чтобы нас никто из постояльцев не видел, а то мало ли...

– Но все же – с кем-то из соседних номеров вы сталкивались?

– По-моему, был там один нерусский. Поляк, кажется. Его я, кстати, видела там второй раз, он приезжал еще летом. С ним я здоровалась. Ну, так, кивала. И он тоже в ответ. Но мы не разговаривали даже.

– А убитого Никонова видели?

– Нет, не видела! – затрясла головой Людмила. – Вообще не видела ни разу. Понятия не имею даже, как он выглядит! О нем мне Полянский сказал утром, а до того я вообще не знала о его существовании!

– Ваш друг Леонид тоже не покидал номер?

– Конечно, нет! Я просила его этого не делать, он и не делал. И вообще я просила, чтобы он как можно быстрее приходил и уходил. То есть не задерживался, не разговаривал с персоналом и постояльцами. Идешь – и иди себе, ни на кого не обращай внимания – вот так я говорила.

В таком поведении было что-то заботливо-материнское. И это опять же не удивляло Гурова. Женщина явно не удовлетворена семейной жизнью, свой собственный сын отправлен в далекий туманный Альбион, выплеснуть накопившиеся чувства не на кого. То, что объект заботы и любви будет найден – вопрос времени. Он-то и испытает на себе все ее нарастающие чувства.

– Но Леня уехал из отеля раньше, чем вы? – спросил Гуров повторно, желая поймать Людмилу на показаниях.

– Да. Он почему-то не захотел ночевать в гостинице. Он ушел поздно, часа в три ночи. Уже было совсем тихо, все легли спать. Я даже слышала, как он прогревал двигатель своей «девятки», а потом спустя минуту уехал.

– Так где его можно найти? Вы мне так и не ответили.

Абрашина выпустила струю дыма:

– Зачем он вам нужен? Я же говорю, что ни я, ни он не знали этого вашего Никонова!

– Тем не менее, Людмила, мне это нужно, – стоял на своем полковник. – Скажите мне, где найти вашего Леню Кораблева, и наш разговор закончится.

– Хорошо, – после некоторой паузы сказала Людмила. – Пишите адрес. Это квартира, которую он снимает. Сам он не из Москвы, приехал из Воронежа.

Гуров записал адрес Кораблева, дождался, пока Абрашина затушит сигарету и сказал:

– Людмила, не исключено, что нам с вами придется встретиться еще раз. Могут открыться новые обстоятельства дела и так далее...

– Только, ради бога, не приезжайте больше к нам домой! – вскричала она.

– Нет, не буду, – тут же согласился Гуров. – Но вы, пожалуйста, ответьте, если я вам позвоню по телефону.

– Только по мобильному! – предупредила Абрашина.

Гуров с готовностью кивнул. Людмила тяжело вздохнула и открыла дверь машины. Полковник проводил ее взгля-

дом – Абрашина сначала пошла в сторону парикмахерской, потом вдруг махнула рукой и возвратилась к своей машине. Видимо, посчитала, что после беседы с полковником МВД у нее больше нет настроения заниматься своей внешностью.

Гуров посмотрел на часы. Рабочий день официально закончился. Но когда возникали дела, подобные этому, их с Крячко рабочий график становился ненормированным. Лев набрал номер Станислава, но тот не отвечал. Собственно, Гуров на него особо и не ориентировался: Стас занимался своими делами, Лев – своими. Каждый отработывал свои линии. Сейчас они не пересекались. Крячко вроде бы поехал в психиатрическую больницу, и, если не позвонил и не доложил о результатах, значит, пока докладывать было нечего. А у Гурова были дела в отделе, туда он и решил вернуться.

Разговор с Абрашиной, хотя и прояснил причину ее бегства из отеля, на смерть журналиста света не пролил. Тем более что она с погибшим даже не виделась. Значит, нужно переходить к следующему этапу. А следующим этапом Гуров считал отработку версии антикоррупционной статьи, которую готовил Никонов против москвореченского мэра. Как там говорил Крячко? Галактионов? Увы, Гурову, как и Орлову, этот человек не был знаком. И подступиться к нему действительно было сложно. Для начала нужна была полная информация. Гуров развернул автомобиль и поехал в управление.

«Галактионов Валерий Андреевич, 1963 года рождения, русский, уроженец поселка Железнодорожный Московской области», – читал Википедию полковник Гуров, сидя в своем кабинете. Галактионов окончил один из московских вузов в 80-х годах, женился на однокурснице, работал в бизнес-структурах, связанных со строительством, а в конце нулевых перешел на работу в администрацию Москвореченска. После того как отработал там два года на посту первого зама, стал мэром. С фотографии на Гурова смотрел вполне себе стандартный мужчина среднего телосложения, со славянскими чертами лица, в костюме и галстук, на фоне российского герба и портрета президента.

Полковник запросил в Интернете данные Никонова. О нем материалов было намного меньше, чем о Галактионове, что неудивительно, учитывая разницу масштаба этих фигур на политической арене. Были какие-то скудные биографические сведения, скорее всего, самим же Никоновым и написанные.

Гуров поинтересовался у Интернета работами журналиста Никонова. Ничего особенного этот запрос ему не дал – появились ссылки на прошлые статьи никоновского СМИ, касающиеся мэра. Все они были в меру критическими, но на-

ходились в рамках конструктива – мол, не то делает, не с того начинается, не там ищет проблемы, не то строит и так далее. Не дали результата и обращения Гурова к сайтам, специализирующимся на борьбе с коррупцией. Там речь шла о куда более крупных и важных фигурах, нежели мэр какого-то Москвореченска. Официозные репортажи о том, как мэр открывал торговый центр и присутствовал на конференции экологов, Гуров читать не стал.

Лев набрал номер на служебном телефоне. В трубке слышался голос генерал-лейтенанта Орлова.

– Слушаю, Лев, что у тебя?

– Петр, мне нужны контакты в Московской областной администрации.

– Насчет нашего фигуранта в Москвореченске? – поинтересовался Орлов.

– Да.

– Сейчас подумаю.

Через несколько минут Орлов перезвонил и сообщил Гурову телефон одного из чиновников администрации, с которым был лично знаком. Гуров связался с ним и, объяснив ситуацию, попросил о встрече. Чиновник назначил ее в одном из ресторанов.

В условленное время Гуров подъехал к назначенному месту. На входе в ресторан вежливый молодой человек спросил его фамилию и тут же провел полковника к столику, за которым его ждал Вадим Шелестов – тот самый чиновник,

которого порекомендовал Орлов. Полковник поразился, насколько одеждой и выражением лица Шелестов похож на Галактионова, точнее – на его фотографию из Википедии. Похоже, у всех чиновников выработался единый имидж одежды и поведения, которому они бессознательно следовали.

– Здравствуйте, Лев Иванович, присаживайтесь, – улыбнулся Шелестов.

– Добрый вечер, – в свою очередь приветствовал собеседника Гуров.

Полковник, отказавшись от предложенной чиновником рюмочки коньяка, заказал себе кофе с пирожным. Шелестов выпил в одиночестве, закусил долькой лимона и спросил:

– Так что вас интересует? Или кто?

– Меня интересует Валерий Андреевич Галактионов, мэр Москвореченска. По слухам, он скоро может перейти в ваше, так сказать, ведомство...

– Да, я знаю его, – кивнул Шелестов. – Что, занялись им?

– Не то чтобы занялись, – осторожно ответил Гуров, – но случилось некое событие, в свете которого хотелось бы поговорить о Галактионове в неофициальном, так сказать, ключе.

– А что случилось-то?

– Журналиста отравили в гостинице, напоили ядом. Выяснилось, что он из Москвореченска и что с администрацией отношения у него не очень.

– Понял, – торопливо закивал Шелестов и жестом подо-

звал официанта. – Еще сто грамм и лимончик... Что ж, сейчас расскажу... – немного рассеянно бросил он Гурову, явно поглощенный предстоящим заказом. Полковник видел, что коньяк сейчас интересует Шелестова больше, чем убитый журналист.

Полковник занялся своим заказом, при этом замечая, что Шелестов, похоже, не дурак выпить. А коли так, намного целесообразнее было бы отправить на встречу Крячко. Это его стихия – выпить, расположить к себе, поговорить по душам. Лев усмехнулся и мысленно представил, как под конец беседы, которая могла затянуться до самого утра, Крячко с Шелестовым обнимались бы как лучшие друзья, пытались бы затянуть песню и возможно бы уже и не помнили, по какому поводу встречались. По крайней мере, Шелестов не помнил бы точно.

Да, пожалуй, Крячко был бы куда более подходящей кандидатурой на эту роль, но делать было нечего: Крячко отсутствовал, перед Шелестовым сидел Гуров, и именно ему предстояло работать в этой ситуации.

Шелестов, накатило следующие сто грамм, смачно закусил фруктами, вытер салфеткой губы и покровительственно посмотрел на Гурова. Лев отметил, что после выпитого в глазах чиновника появился особый интерес к разговору.

– И вы считаете, что Галактионов причастен к гибели журналиста? – с любопытством спросил Шелестов.

– Мы разбираемся в ситуации, – уклончиво ответил Гу-

ров. – Интересуемся всеми, кто так или иначе попадает в круг знакомств погибшего журналиста. Галактионов – один из них. Вот потому и проверяем. На всякий случай.

Шелестов вальяжно развалился на стуле и взял зубочистку.

– Ну что я могу сказать... – снисходительно заявил он. – Галактионов – абсолютно типичный подмосковный мэр. – А типичные мэры журналистов ядом не травят. Вот, наверное, вкратце так.

И, не дожидаясь, пока Гуров скажет что-нибудь в ответ, Шелестов склонился через стол:

– А давайте все-таки по коньячку... А то я один как-то не очень привык.

– Да мне здоровье не позволяет, – вежливо отказался полковник.

– Ну, как знаешь. – Слегка обидевшись, Шелестов отвалился в кресло и жестом подозвал официанта. На этот раз он не стал мелочиться и заказал сразу бутылку. Официант принес заказ, Шелестов наполнил рюмку, выпил и поспешил налить следующую.

– Журналистов убивали во все времена, – произнес он в перерывах между возлияниями. – Профессия такая! Все время рискуют! Я тоже рискую, – сообщил он доверительно. – У меня должность такая, понимаешь? Молодец! А вот обыватели не понимают! Только и могут что глотку драть, мол, чиновники зажрались, ворье, сажать их всех надо

или к стенке ставить! Да что я тебе рассказываю! – махнул рукой чиновник, переходя на «ты».

Гуров проигнорировал этот момент, не без основания полагая, что в непринужденной обстановке Шелестов будет откровеннее. Хотя за годы государственной службы чиновник наверняка привык к своему статусу и особому формату общения, а потому рассчитывать на то, что он развяжет язык в компании малознакомого человека, было наивно.

Шелестов тем временем продолжал:

– На наше место постоянно кто-нибудь метит. Место-то такое... Понимаешь? – Он выставил вперед руку и пошевелил пальцами, что должно было символизировать доходность занимаемой им должности. – На меня покушение устраивали несколько раз! Да-да! – доверительно склонился он к Гурову. – В девяносто шестом и в две тыщи третьем. Еле спасся! Хорошо, охрана вовремя сработала, она у меня грамотная. А насчет Галактионова и этого дела... Я, извиняюсь, Лев Иванович, да?

Гуров кивнул.

– Лева, не то это, – сморщился Шелестов. – Я в этих администрациях уже двадцать лет работаю. Не так это делается... Да и что я тебя учу – ты же с Петровки, наверное, и сам понимаешь, что если кого-то надо убрать – не так это делается. И этот его Подмосквореченск или как его там... Подмосквожопинск никому на хрен не уперся. Как, собственно, и Галактионов...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.